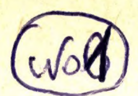
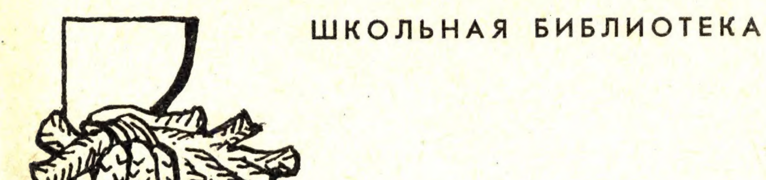

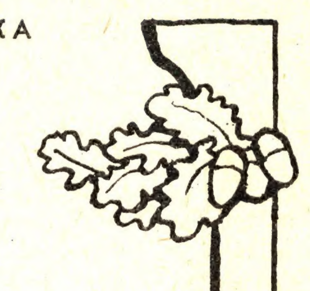
Добрыня и Змей
Издательство „Детская литература"

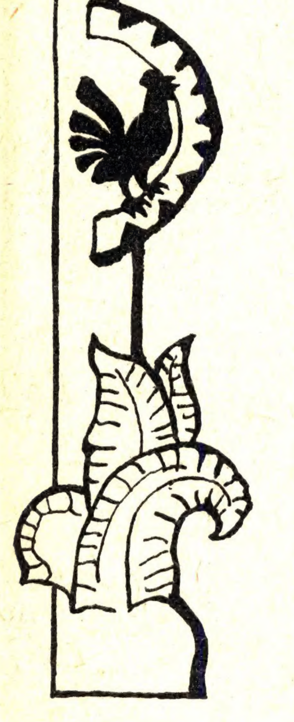
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

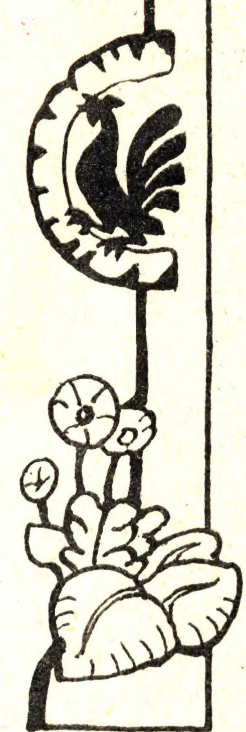

Добрыня и Змей

Десять былин

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1976

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Составление, подготовка текстов,
вступительная статья и пояснения
В. П. АНИКИНА

Художник И. Архипов

Д57 **Добрыня** и Змей. Десять былин. Изд. 2-е. Сост., подгот. текстов, вступит. ст. и поясн. В. П. Аникина. Худож. И. Архипов. М., «Дет. лит.», 1976.

112 с. с ил. (Школьная б-ка).

В сборнике представлены признанные образцы русского былинного эпоса. Тексты сопровождаются пояснениями исторического характера.

Д $\frac{70803-379}{М101(03)76}$ 143—76 РФ

РУССКИЙ ЭПОС

Былины пелись и сказывались одновременно. От других народных песен они отличаются грандиозностью, величавостью образов, важностью действия и торжественностью тона. Все эти качества определяются кратким и емким греческим словом «эпос»: это и рассказ, и речь, и стих, и песня. Их соединение стало возможным потому, что эпос возникал на заре народной истории, когда пение и рассказывание еще не стали разными видами художественного творчества. Пение придало рассказу торжественность, а рассказывание так подчинило себе пение, что оно стало казаться существующим именно ради рассказа. Торжественность нужна была для прославления народных деяний. Пение закрепляло в памяти людской мерные строки рассказа, чтобы он точно удержался в памяти.

Эпическая песня представляет героев безупречными, твердыми в правилах нравственной жизни. Герой защищает достоинство, честь и человеческие права народа, и он беспощаден ко всем, кто покушается на свободу человека, будь это иноземец-враг или соотечественник-угнетатель. Идеалы эпоса рождались не вдали от повседневных забот, а в людской борьбе, в столкновениях племен и народов. Вот почему эти идеалы историчны.

Былины возникли как выражение исторического сознания нашего народа в раннюю эпоху существования древнерусского государства, когда главными городами на Руси были Киев и Новгород, а Москва только-только основалась как небольшое поселение и еще не играла в жизни народа и государства своей роли. Все упоминания о Москве появились в былинах позднее, когда русский эпос уже сложился.

Действие былин происходит чаще всего в Киеве и Новгороде, реже — в Чернигове, Ростове, Муроме или в других столь же известных древних городах. Русь и тогда, в ту далекую от нас эпоху, вела оживленную торговлю с соседями. Поэтому в былинах упоминается знаменитый путь «из Варяг в Греки»: Днепр, Волхов, Ладожское озеро,

Нева-река, Варяжское (ныне Балтийское) море. Сказителям былин известно о существовании земли Веденецкой (скорее всего Венеции), богатого Индийского царства, Царьграда, Ближнего Востока.

Историки культуры находят в эпосе черты старинного быта: из былин можно узнать об устройстве древних городов, их башен, о росписи и украшениях в теремах, о нарядной одежде женщин и воинском оружии, составе дружин и боевом порядке полков, об устройстве ладьи, о сохе, об игре на гуслях, о свадебных порядках и о правилах благочестия.

Все это делает былину ценнейшим источником для изучения народной истории. Однако всего важнее то, что былины донесли до нас думы, мысли и чувства народа давно миновавшего времени. В памяти удерживалось все самое важное, что имело цену и в жизни поздних поколений.

Редкий из крестьянских мальчиков в старое время не играл в богатырей. Богатырские подвиги сохраняли всю власть над душой человека и тогда, когда мальчик превращался в парня, затем — в отца семейства, в седобородого деда. Старому человеку было что рассказать о своей жизни и еще более — о жизни тех, кто в эпических песнях стаптывал полчища врагов, корчевал лес, расчищал землю под пашню, ходил за море, спасал от гибели русских пленников. Эпос был не только исторической памятью, но и умом народа, сводом его нравственных правил. И в этом главная ценность былин.

Нашему взору в эпосе предстает строгий и суровый воин-богатырь Добрыня Никитич. Он избавил Русь от чудовища («Добрыня и Змей»). Приехавший из Мурома к князю Владимиру Красное Солнышко богатырь Илья ревниво бережет свою честь воина-крестьянина, — ему Русь обязана избавлением от Соловья Разбойника, что сидел у речки Смородины и посвистом-покриком губил все живое («Илья Муромец и Соловей Разбойник»). Алеша Попович хотя и уступал Илье и Добрыне в силе и доблести, но и он не потерпел оскорбления, которое нанес Тугарин Змеевич Руси и чести великого князя («Алеша Попович и Тугарин Змеевич»). Верен богатырскому долгу и совсем юный герой — двенадцатилетний отрок Михайло, который удивил и отца, опытного воина, и князя Владимира свершением подвига — победил Уланища («Михайло Данилович»). Под стать этим богатырям и князь Глеб Володьевич: с дружиной он нагрянул в Корсунь — порт на Черном море, чтобы освободить захваченные русские корабли («Глеб Володьевич»). Здесь названы только те немногие, взятые для этой книги былины, которые в науке получили название героических.

В других былинах интерес сосредоточен на действии, хотя тоже величественном и грандиозном, но все же ином. Иногда эти былины называют новеллами. Это произведения на бытовые сюжеты. Встретились на пашне князь и пахарь, и оказалось, что пахарь сильнее князя: крестьянский труд по тяжести поставлен выше ратного («Вольга

и Микула Селянинович»). Из-за моря приехал свататься к киевской княжне знатный и богатый жених; дело сладилось, хотя ему едва не помешал недостойный противник жениха («Соловей Будимирович»). Лихая женщина из Новгорода обманула князя Владимира и вызволила из темницы своего мужа. Певцы этой былины смеялись над князем («Ставр Годинович»). Гусляр попадает на дно моря, и под его игру Морской царь начинает плясать — поднимается буря и тонут на море корабли («Садко»). От скоморошьей игры во гудочек, в золотой переладец-дудку загорелось царство царя Собаки и сгорело от края до края («Вавило и скоморохи»). Народное искусство понято как великая сила: поднимаются волны, испепеляются царства. Так сами творцы эпоса осознавали влияние своего искусства на жизнь. Перед этим искусством благоговели великие русские художники: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. М. Горький, А. А. Блок.

Чудо былинного искусства возникает от сочетания простых и, в сущности, немногих приемов. Былинное действие разворачивается медленно и спокойно. Певцы часто повторяют значительные по размеру эпизоды. Особенно любим ими прием троекратного повторения. Так, в былине рассказывается, что Садко трижды играет в гусли на берегу Ильмень-озера и трижды от его игры вода в озере колеблется. Повторения обнаруживаются и в словесном стиле былины — повторяются слова, предлоги, целые стихи: «Прямоезжая дорожка заколóдела, заколóдела дорожка, замурáвела», «Из-за моря, моря синего», «Да у той ли у березы у покляпыя, да у той ли речки у Смородины» и пр. Случается, что повторение сопровождается отрицанием противоположности: «Ветра нет, да тучу нанесло, тучи нет, да будто дождь дождит, а й дождя-то нет, да только гром гремит...». Былины тверды в повторении постоянных эпитетов к различным предметам: красный (о солнце, золоте), белый (о березе, дне, лебеди, руках, груди, снеге, шатре и пр.), серый (о волке, селезне), желтый (о песке), синий (о море), зеленый (о лугах) и др.

Можно заметить, что певцы былин предпочитают яркие краски — не полутона, а главные цвета. Этот народный вкус выразился и в народной одежде, в раскраске глиняных игрушек, в росписи стен и потолков теремов. Эпитеты часто содержат историко-бытовые указания: на терема златоверхие, на печку муравлену и сейчас еще можно поглядеть — их охраняют как памятники старины в разных уголках нашей страны.

Постоянным приемом былинного повествования бывает противопоставление: мать наказывает Добрыне не купаться во Пучай-реке, а богатырь не слушается; Илья велит Соловью Разбойнику свистать-кричать в полсвиста, в полкрика, а тот свистнул-крикнул в полную силу.

Все в богатырях и в их деяниях величаво, крупно, размашисто, широко. Богатыря отличает величайшая физическая сила: он и ест

и пьет как существо необыкновенное — выпивает единым духом чару в полтора ведра. Богатыри бьются-рубятся с недругами по двенадцать дней «не пиваючи, не едаючи», бьют в бою тяжелой палицей налево и направо, так что враги валятся, как подкошенная трава. Эти сознательные преувеличения человеческой силы — прием гиперболы — в былинах средство прославления героя: физическая сила всегда была в почете у народа. Могучи не только богатыри, но и их противники: Тугарин глотает по целой ковриге хлеба, выпивает зараз чару вина не меньшую, чем богатырь. Певцы указывали на трудность победы над таким чудовищем.

Былинный стих особенный. Началу и концу каждого стиха придается важное значение.

Из того́ ли то из го́рода из Му́рома,
Из того́ села́ да Карача́рова́
Выезжа́л уда́ленький доро́дный до́брый мо́лоде́ц.

Здесь устойчиво ударение только на некоторых слогах: на третьем слоге от начала стиха и на третьем слоге от конца, да, кроме того, ударным всегда бывает самый последний слог независимо от фонетической ударности. Чтобы выдержать это правило, певцы нередко стягивают и растягивают слова в конце стиха: «Птица черный ворон не пролётыва́т...» (вместо: пролетывает), «Во том гнездышке да соловьи́ное́м...» (вместо: соловьином). С этой же целью в стих вставляются дополнительные слоги — чаще всего междометия «А *й* ве́ли-тко кня́зю ты Влади́миру́...». Что же касается середины стиха, то здесь постоянного места для ударения нет, колеблется и число их. Такая организация делает стих былины гибким, хорошо приспособленным для передачи живых разговорных интонаций.

Рифмы в былине нет, но все же соседние стихи нередко становятся созвучными в морфологически однородных окончаниях слов: перескакивать — перемахивать; уплетаются — осыпаются; по-писаному — поученому, и пр. Кроме этого, в былинном стихе обычны внутренние созвучия — повторения отдельных звуков, например: «Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному...» — здесь повторяются звуки «з» и «р».

Важную роль в былинах играет повторение синтаксически одинаково построенных стихов:

Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

Три стиха одинаковы — это придает им законченность, а законченность соответствует живой разговорной интонации.

Мелодия былинных напевов связана с интонациями выразительной речи. Пение былины успокаивает слушателя, гармонируя с мерным повествованием о событиях далекой истории. Красоту напевов давно

оценили композиторы. Их использовали в операх и симфонических произведениях М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. С. Аренский. Торжественное пение былин в древности сопровождалось игрой на гуслях. Музыканты считают, что гусли — весьма подходящий инструмент для подыгрывания медленным эпическим песням: мягкие звуки гуслей не заглушали певца и располагали слушателей к восприятию былины.

* * *

В сборнике представлены признанные образцы русского эпоса. Былины сопровождаются пояснениями. Словарь местных и старинных слов находится в конце книги: он поможет верно понять трудные места. Впервые прочитавший былины откроет для себя огромный мир Древней Руси. Богатыри и их деяния всегда будут восхищать нас. Эпос — величайшее искусство нашего народа.

В. П. Аникин

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да й Никитичу-то матушка наказывала:
— Ты не езди-ка далече во чисто́ поле́,
На ту́ю гору́ да сорочи́нскую *[1],
Не топчи-ка мла́дыих змеенышей,
Ты не выручай-ка по́лонов да русскиих,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке *,
Та Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечет!

А Добрыня своей матушки не слушался.
Как он едет далече во чисто́ поле́,
А на ту́ю на гору́ сорочи́нскую,
Потоптал он мла́дыих змеенышей,
А й повыручил он по́лонов да русскиих.

[1] Объяснение слов, отмеченных звездочкой, см. после текста былин.

Богатырско его сердце распотелося,
Распотелось сердце, нажаде́лося —
Он приправил своего добра́ коня́,
Он добра́ коня́ да ко Пучай-реке,
Он слезал, Добрыня, со добра́ коня́,
Да снимал Добрыня платье цве́тное,
Да забрел за струечку за первую,
Да он забрел за струечку за среднюю
И сам говорил да таковы слова:
— Мне, Добрынюшке, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, маменька й наказывала:
Что не езди-ка далече во чисто́ поле́,
На тую́ гору́ на сорочи́нскую,
Не топчи-ка мла́дыих змеенышей,
А не выручай по́лонов да русскиих,
И не куплись, Добрыня, во Пучай-реке,
Но Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечет!
А Пучай-река — она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождёвая!

Не успел Добрыня словца смолвити —
Ветра нет, да тучу на́несло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А й дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да свищет молния —
А как летит Змеище Горынище *
О тые́х двенадцати о хоботах.
А Добрыня той Змеи не приужа́хнется.

Говорит Змея ему проклятая:
— Ты теперича, Добрыня, во моих руках!
Захочу — тебя, Добрыня, теперь потоплю,
Захочу — тебя, Добрыня, теперь съем-сожру,
Захочу — тебя, Добрыня, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыня, во нору снесу!

Припа́дает Змея как ко быстро́й реке,
А Добрынюшка-то плавать он горазд ведь был:

Он нырнет на бережок на тамошний,
Он нырнет на бережок на здешниий.
А нет у Добрынюшки добра́ коня́,
Да нет у Добрыни платьев цве́тныих —
Только-то лежит один пухо́в колпак,
Да насыпан тот колпак да земли греческой *;
По весу тот колпак да в целых три пуда́.

Как ухватил он колпак да земли греческой,
Он ши́бнет во Змею да во проклятую —
Он отшиб Змеи двенадцать да всех хо́ботов.

Тут упала-то Змея да на ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку он был по́верток,
Он скочил на змеиные да груди белые.
На кресте-то у Добрыни был булатный нож —
Он ведь хочет распластать ей груди белые.
А Змея Добрыне ему взмолилася:
— Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:
Тебе не ездити далече во чисто́ поле́,
На ту́ю на гору́ сорочи́нскую,
Не топтать больше мла́дыих змеенышей,
А не выручать по́лонов да русскиих,
Не купаться ти, Добрыне, во Пучай-реке.
И мне не летать да на святую Русь,
Не носить людей мне больше русскиих,
Не копить мне по́лонов да русскиих.

Он повыпустил Змею как с-под колен своих —
Поднялась Змея да вверх под облако.

Случило́сь ей лететь да мимо Киев-града.
Увидала она кня́зеву племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну,
Идучи по улице по ши́рокой.
Тут припа́дает Змея да ко сырой земле,
Захватила она князеву племянницу,
Унесла в нору да во глубокую.

То́гда солнышко Владимир стольно-киевский
А он по три дня да тут были́ц клика́л *,
А былиц кликал да славных рыцарей:
— Кто бы мог съездить далече во чисто́ поле́,
На тую́ на го́ру сорочи́нскую,
Сходить в нору да во глубокую,
А достать мою, князеву, племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну?

Говорил Алешенька Левонтьевич:
— Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты накинь-ка эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича:
У него ведь со Змеею заповедь положена,
Что ей не летать да на святую Русь,
А ему не ездить далече во чисто́ поле́,
Не топтать-то мла́дыих змеенышей
Да не вы́ручать по́лонов да русскиих.
Так возьмет он князеву племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну,
Без бою, без драки-кроволития.

Тут солнышко Владимир сто́льно-киевский
Как накинул эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съездить далече во чисто́ поле́
И достать ему князеву племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну.

Он пошел домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречает государыня да ро́дна матушка,
Та честна́ вдова Офимья Александровна:
— Ты эй, рожёно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
Ты что с пиру идешь не весел-де?
Знать, что место было ти не по́ чину *,
Знать, чарой на пиру тебя прио́бнесли
Аль дурак над тобою насмеялся-де? —

Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ты эй, государыня да ро́дна матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Место было мне-ка по́ чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
Да дурак-то надо мной не насмеялся ведь,
А накинул службу да великую
А то солнышко Владимир стольно-киевский,
Что съездить далече во чисто́ поле́,
На туе́ гору́ да на высокую,
Мне сходить в нору да во глубокую,
Мне достать-то князеву племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну.

Говорит Добрыне ро́дна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
— Ложись-ко спать да рано с вечера,
Так утро будет очень мудрое —
Мудренее утро будет оно вечера.

Он вставал по утрушку ранёшенько,
Умывается да он белёшенько,
Снаряжается он хорошохонько.
Да йдет на конюшню на стоялую,
А берет в руки узду он да тесьмяную,
А берет он дедушкова да ведь добра́ коня́.
Он поил Бурка́ питьем медвяным *,
Он кормил пшено́й да белояровой *,
Он седлал Бурка́ в седёлышко черкасское,
Он по́тнички да клал на по́тнички,
Он на по́тнички да кладет войлочки,
Клал на войлочки черкасское седёлышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих по́дпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра мо́лодца в чистом поле не вырутил.
По́дпруги были́ шелко́вые,
А шпеньки у по́дпруг всё булатные,
Пряжки у седла да красна золота —

Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржáвеет,
Мóлодец-то на коне сидит да сам не стáреет *.

Поезжал Добрыня сын Никитинец,
На прощанье ему матушка да плетку подала,
Сама говорила таковы слова:
— Как будешь далече во чистóм полé,
На тый горы да на высокия,
Потопчешь млáдыих змеенышей,
Повыручишь пóлонов да русскиих,
Как тыи-то млáдые змееныши
Подточат у Буркá как они щеточки,
Что не сможет больше Бýрушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Ты возьми-ка эту плеточку шелкóвую,
А ты бей Буркá да промежý ногѝ,
Промежý ногѝ да промежý ушѝ,
Промежý ногѝ да мéжу задние, —
Станет твой Бýрушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать —
Ты притопчешь всех да до единого.

Как будет он далече во чистóм полé,
На тый горы да на высокия,
Потоптал он млáдыих змеенышей.
Как тый ли млáдые змееныши
Подточили у Буркá как они щеточки,
Что не может больше Бýрушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинец
Берет он плеточку шелкóвую,
Он бьет Буркá да промежý ушѝ,
Промежý ушѝ да промежý ногѝ,
Промежý ногѝ мéжу задние.
Тут стал его Бýрушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех да до единого.

Выходила как Змея она проклятая
Из тыи́ норы да из глубокия,
Сама говорит да таковы слова:
— Ах ты, эй, Добрынюшка Никитинец!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал мла́дыих змеенышей,
Почто выручал по́лоны да русские?

Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ах ты, эй, Змея да ты проклятая!
Черт ли тя нес да через Киев-град,
Ты зачем взяла князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну?
Ты отдай же мне-ка князеву племянницу
Без боя, без драки-кроволития.

Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
— Не отдам я тебе князевой племянницы
Без боя, без драки-кроволития!

Заводила она бой-драку великую.
Они дра́лись со Змеею тут трои́ сутки́,
Но не мог Добрыня Змею перебить.
Хочет тут Добрыня от Змеи отстать —
Как с небес Добрыне ему глас гласит:
— Молодой Добрыня сын Никитинец!
Дрался со Змеею ты трои́ сутки́,
Подерись со Змеей еще три часа:
Ты побьешь Змею да ю, проклятую!

Он подрался со Змеею еще три часа,
Он побил Змею да ю, проклятую, —
Та Змея, она кровью пошла.
Стоял у Змеи он тут трои́ сутки́,
А не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крови́ отстать,
Но с небес Добрыне опять глас гласит:
— Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинец!
Стоял у крови́ ты тут трои́ сутки́ —

Постой у крови́ да еще три часа,
Бери свое копье да мурзамецкое *
И бей копьем да во сыру́ землю́,
Сам копью да приговаривай:
«Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!»

Расступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.

Тогда Добрыня во нору пошел,
Во тый в норы да во глубокие.
Там сидит со́рок царей, со́рок царевичей,
Со́рок королей да королевичей,
А простой-то силы — той и сметы нет.
Тогда Добрынюшка Никитинец
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
— Вы идите нынь туда, откель принéсены.
А ты, мо́лода Забава дочь Потятична, —
Для тебя я эдак теперь странствовал —
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву
А й ко ласковому князю ко Владимиру.

И повез молоду́ Забаву дочь Потятичну.

* * *

«Добрыня и Змей» — одна из древних былин. Она еще близка сказке: подобно Ивану — третьему младшему брату, Добрыня бьется с чудовищем и освобождает девицу из плена. Однако в отличие от сказки в былине Добрыня ослушался матери и хотя попадает в беду, но побеждает чудовище. Богатырь прославлен как герой, для которого сказочные заповеди уже ничего не значат. В сказках Иван выручает из плена либо мать, либо сестру, либо невесту — Добрыня освобождает из плена племянницу киевского князя и вместе с нею огромный русский полон, тем самым подвигу богатыря придается не семейное, а государственное значение.

Прообразом богатыря Добрыни многие ученые считают дядю великого киевского князя Владимира Святославича. Исторический Добрыня

не раз упоминается в летописях как участник событий X века: крещения Новгорода, похода князя Владимира на Полоцк и др.

Былину пели не только крестьяне, но и слепцы-нищие, исполнители религиозных песен. Они внесли в былину некоторые свои изменения: богатырь побивает чудовище колпаком земли греческой, то есть головным убором странников в Византию (Восточную греческую империю); Добрыня слышит в бою глас с неба и волею высших судеб одолевает Змею. Все же народная мысль о личном мужестве Добрыни сохранилась. Былина осталась образцом героических песен.

На тую гору́ да сорочи́нскую... — Возможно, речь идет о последних отрогах Уральского хребта. Недалеко от Бузулука находится древнее село-крепость Сорочинское. Некогда в этих местах жили волжские болгары, покоренные хазарами. В X веке русские разбили хазар, а до этого платили им дань. Добрыня побил Змею как раз в этих местах.

Пучай-река — небольшая река Почайна, в которой, по преданию, крестили киевлян; протекала на месте современного Крещатика.

Змеище Горынище — обычный персонаж народных сказок. В былине чудовище олицетворяет собой насильника — внешнего врага.

Колпак да земли греческой... — головной убор странника по святым местам; насыпанный землей, он превращен в метательное оружие.

Были́ц клика́л. — Были́ца — знахарка, гадающая по травам (от слова «былье» — коренье, растение). Владимир хочет знать, куда унесена Забава, и для этой цели зовет к себе былиц.

Место было ти (тебе) не по́ чину... — Места за столом у князя распределялись между приглашенными по родовитости. Возникали обиды и ссоры из-за места, если приглашенный считал, что его усадили не «по чину». Это черта более поздняя, чем время сложения былины.

Питье медвяное славилось в старину как лучший хмельной напиток, оно готовилось из сотового меда. Ценились также «ставленые» меды, которые готовили из свежих спелых ягод.

Пшена белояровая — просо, кукуруза; в сказках и былинах — конский корм.

Мо́лодец-то на коне сидит да сам не ста́реет. — Стих мог быть заимствован из былины о Ставре, где герой похваляется слугами, которых часто меняет — держит только молодых: поэтому они «не стареют».

Копье мурзамецкое. — Мурза́ — татарский князь; *мурзаме́цкое* — татарское, восточное вообще.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.

Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано́-то силушки черны́м черно́,
А й черны́м-черно́, как чёрна во́рона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добро́м коне́ никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый мо́лодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусскии!
Прямоезжая дорожка заколо́дела,
Заколо́дела дорожка, замура́вела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добро́м коне́ никто да не проезживал.

Как у той ли то у Грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова *
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-мура́вы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпа́ются,
Темны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы́ лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
А й окольноей дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра́ коня́ да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырскии
С горы́ на́ гору стал перескакивать,
С холмы́ на́ холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черноей,
Да ко тою ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-мура́вы уплеталися,
Да й лазоревы цветочки осыпа́лися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.

Его добрый конь да богатырскии
А он на корни́ да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец *
Берет плеточку шелко́вую в белу́ руку́,
А он бил коня да по крутым ребра́м,
Говорил-то он Илья таковы слова:

— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на́ корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой ту́гой лук разрывчатый *,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со коси́цею *,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю́,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту́ полю́,
Мимо гнездушка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыих.
Бо́льша дочка — эта смотрит во окошечко кося́вчато,
Говорит она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка чисты́м поле́м,
А сидит-то на добро́м коне́,
И везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела как другая дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет батюшка раздольицем чисты́м поле́м,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добро́м коне́,

Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею.

Говорила-то й она да таковы слова:
— А й же мужевья наши любимые!
Вы берите-ко рогатины звериные *,
Да бегите-ко в раздольице чисто́ поле́,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Да и бежали-то они да й во чисто́ поле́
Ко тому ли к мужичище-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой саха́рною,
Да вы пойте его питьецем медвя́ным,
Да й дарите ему да́ры драгоценные!

Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А й зовут мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.

Да й мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту́ полю́
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со божье́й церкви́,

Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту́ он дверь-то поразмахивал *,
Крест-от клал он по-писа́ному,
Вел поклоны по-ученому,
На все на́ три, на четы́ре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенныим *.

Тут Владимир-князь стал мо́лодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый мо́лодец,
Тебя как-то, молодца́, да имене́м зовут,
Величают, удало́го, по отечеству?

Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,

Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыга́ешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добро́м коне́ никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноей у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпа́ются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы́ лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоем дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы́ ножки́,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко́,
То он шапочку соболью на одно ушко́,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого каза́ка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
— Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во по́лсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во по́лкрика звериного.

Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста саха́рные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена́ вина.
Я повыпью-то как чару зелена́ вина —
Мои раночки кровавы пораз́ойдутся,
Да й уста мои саха́рны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена́ вина.
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к Разбойнику. —

То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людушек — так все мертвы лежат.
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодыих,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

А тут Соловью ему й славу поют *,
А й славу поют ему век по веку!

* * *

Между Северо-Восточной Русью (с городами Владимиром, Суздалем, Рязанью, Муромом) и Поднепровьем (великий стольный Киев и прилегающие к нему земли) стояли непроходимые леса. Лишь в середине XII столетия через лесные дебри проложили дорогу — с Оки

к Днепру. До этого приходилось объезжать леса, направляясь в верховья Волги, а оттуда — к Днепру и по нему — к Киеву. Однако и после того, как прямоезжая дорога была проложена, многие предпочитали прежний окольный путь. Прямая дорога была неспокойной, на ней грабили и убивали. Именно эту дорогу через дремучий и опасный лес Илья Муромец и выбрал для поездки в Киев. Подвиг Ильи наполнен особым смыслом для своего времени. Помехи свободному проезду, чинимые на дороге, были тяжелым злом. Илье Муромцу оказалось под силу то, что не мог сделать даже князь Владимир. Тем самым народ ясно указал на то, кто был подлинным творцом мощи и единства Русской земли. Подвиг и сила богатыря-крестьянина составляет основу великого деяния на пользу Руси.

Русь того времени предстает как государство, в пределы которого вторгаются иноземцы — стоит «силушка» под Черниговом. Илья тоже победил ее. Его звали в город воеводой, но он отказывается: его дело служить не какому-либо одному городу, а всей Руси. Народ стоит за единую Русь без разделения на отдельные княжества.

Как у той ли то у Грязи-то у Черноей... — Местоположение не установлено. Недалеко от Курска есть село Смородинное. В том же Курско-Орловском крае есть места, именуемые Грязью. Этими местами мог ехать Илья Муромец. Река Смородина вместе с тем и сказочна. Кресты ставили над могилами умерших в дороге.

Старый-от казак да Илья Муромец... — Именование Ильи казаком появилось в былинах поздно: возможно, в XVI веке.

Лук разрывчатый. — Эпитет «разрывчатый» означает качество: добрый лук при спускании тетивы издавал резкий звук — разрывал воздух.

Око со косйцею. — *Косйца* — висок и надбровье.

Рогатины звериные — копья с широким железным обоюдоострым лезвием. Рогатина названа звериной — охотничьей, а существовали еще рогатины и боевые.

На пятý он дверь-то поразмахивал... — распахивал настежь. *Пята* — нижний угол двери у стены, на этом месте находится шип, вставленный в гнездо.

Князья подколенные — младшие. *Колено* — род, племя; здесь — родственники.

А тут Соловью ему й славу поют... — Петь славу означало прославлять, воздавать хвалу. Здесь иронический смысл.

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЕВИЧ[1]

Из славного Ростова красна города
Как два ясные сокола вылётывали —
Выезжали два могучие богáтыря:
Что по имени Алешенька Попович млад
А со мóлодым Якимом Ивановичем.
Они ездят, богáтыри, плечо о плечо,
Стремено в стремено богатырское.

Они ездили-гуляли по чисту́ полю́,
Ничего они в чи́стом пóле не наезживали,
Не видали они птицы перелетныя,
Не видали они зверя рыскучего.
Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие,
Промежу́ тех дорог лежит горю́ч камéнь,
А на кáмени подпись подписана.

Взговорит Алеша Попович млад:
— А и ты, братец Яким Иванович,
В грамоте поучёный человек,
Посмотри на кáмени подписи,
Что на кáмени подписано.

И скочил Яким со добрá конá,
Посмотрел на кáмени подписи.
Расписаны дороги широкие:
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога — в Чернигов-град,
Третья — ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Яким Иванович:
— А и братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,

---

[1] Былина дается в сокращении.

Ко ласкову князю Владимиру. —
В те по́ры поворотили добры́х коне́й
И поехали они ко городу ко Киеву...

А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добры́х коне́й,
Привязали к дубовы́м столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне
И на все четыре сто́роны.

Говорил им ласковый Владимир-князь:
— Гой вы еси *, добры мо́лодцы!
Скажитеся, как вас по имени зовут —
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловать.

Говорит тут Алеша Попович млад:
— Меня, осуда́рь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного.

В те поры Владимир-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место богатырское,
В дубову́ скамью проти́в меня,
В третье место, куда сам захо́шь.

Не садился Алеша в место бо́льшее
И не садился в дубову́ скамью —
Сел он со своим товарищем на палатный брус *.

Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота

Двенадцать могучих бога́тырей,
Сажали в место большее,
И подле него сидела княгиня Апраксеевна.
Тут по́вары были догадливы —
Понесли яства саха́рные и питья медвяные,
А питья всё заморские,
Стали тут пить-есть, прохлаждатися.

А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за́ щеку мечет —
Те ковриги монастырские *,
И нечестно Тугарин питья пьет —
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.

И говорит в те поры Алеша Попович млад:
— Гой еси ты, ласковый осударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесанный?
Нечестно у князя за столом сидит *,
Княгиню он, собака, целует во уста саха́рные,
Тебе, князю, насмехается.
А у моего суда́ря-батюшки
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася —
Взял ее за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!—
Тугарин почернел, как осенняя ночь.
Алеша Попович стал как светел месяц.

И опять в те поры повары́ были догадливы —
Носят яства саха́рные и принесли лебедушку белую.
И ту рушала княгиня лебедь белую *,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцем, под стол опустила,
Говорила таковы слова:
— Гой еси вы, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,

Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!

Он, взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще ту ковригу монастырскую.

Говорит Алеша на палатном брусу́:
— Гой еси, ласковый осударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван сидит?
Что за дурак неотесанный?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест —
По целой ковриге за́ щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего суда́ря-батюшки,
Федора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по́ двору таскалася,
Забилася на поварню к по́варам,
Выпила чан браги пресныя *,
От того она лопнула.
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!

Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул кинжалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него.
Подхватил кинжалище Яким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
— Сам ли бросаешь в него или мне велишь?
— Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь.
Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове. —

В те поры князья и бо́яра
Скочили на резвы́ ноги́
И все за Тугарина поруки держат:
Князья кладут по сто рублей,
Бояре по пятьдесят, крестьяне по пяти рублей;
Тут же случилися гости купеческие —
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывал владыка черниговский.

В те поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра́ коня́,
Поднялся на бумажных крыльях * по поднебесью летать.
Скочила княгиня Апраксеевна на резвы́ ноги́,
Стала пенять Алеше Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому!

В те поры Алеша не слушался,
Взвился с товарищем и вон пошел,
Садилися на добры́х коне́й,
Поехали ко Сафа́т-реке *,
Поставили белы шатры,
Стали опочи́в держать,
Коней отпустили в зелены́ луга.

Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
— Создай, боже, тучу грозную,
А и тучу-то с градом-дождя!

Алешины молитвы доходчивы —
Дает господь бог тучу с градом-дождя.
Замочило Тугарину крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру́ землю́.

Приходил Яким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.

И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра́ коня́,
Взял одну сабельку острую
И поехал к Тугарину Змеевичу.

Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алеша, копьем заколю?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад.
Бился ты со мной о велик заклад
Биться-драться един на́ един,
А за тобою ноне силы — сметы нет. —
Оглянется Тугарин назад себя —
В те поры Алеша подскочил, ему голову срубил.
И пала голова на сыру́ землю́, как пивной котел.

Алеша скочил со добра́ коня́,
Отвязал чембур от добра́ коня́
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру́ коню́,
И привез в Киев-град на княженецкий двор,
Бросил середи двора княженецкого.

И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел *.

Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал *.
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
До́люби тебя пожалую.

В те поры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верой и правдою.
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милыим,
С молодым Змеем Тугаретином!..

То старина, то и деяние.

* * *

Для исторического истолкования былины решающее значение имеют летописные известия о храбреце XIII века Александре Поповиче. Доказано, что рассказ тверского летописца о подвигах известного в Ростовской земле Александра Поповича своим источником имел какие-то местные предания. Имя Александра в уменьшительной форме Алекса совпадает с именем богатыря. Былина ничего не говорит о подвигах героя на службе у ростовского князя. Певцов занимали не дела Александра Поповича как участника княжеских междоусобий, а деяния его как общерусского богатыря. Как и Илья Муромец, Алеша Попович приезжает в Киев из Северо-Восточной Руси. На росстани у камня богатырь выбирает дорогу в столицу. Для народа и Алеши киевский князь — глава единой Русской земли.

В былине непривлекательным предстает образ великой княгини Апраксии, а Алеша выведен блюстителем семейной чести великого князя. Богатырь мстит за оскорбление, которое Тугарин наносит достоинству Руси. В Тугарине ученые видят половецкого князя XI века Тугор-кана, родственника киевских князей. Однако самое событие, о котором говорится, отнесено к более позднему времени.

Гой вы еси — пожелание здоровья, приветствие, приблизительно соответствующее сегодняшнему «Будьте здоровы!». *Гой* от слова «гоить» — исцелять, живить, ухаживать.

Сел он со своим товарищем на палатный брус. — Палати (полати) в избе — это высокий помост у печи до противоположной стены. На палатях во время праздников сидели дети. Алеша скромно садится в самое незаметное место.

Ковриги монастырские — большие караваи хлеба, их пекли для монашеской братии.

Нечестно у князя за столом сидит... — ведет себя неблагопристойно.

Рушала княгиня лебедь белую... — резала жареную лебедь.

Брага пресная — то есть не забродившая, еще не готовая к употреблению.

Поднялся на бумажных крыльях... — Крылья Тугарина были названы бумажными не ранее XVIII века, когда в быт вошли тканьевые (бумажные) безрукавные накидки от дождя. Полы накидки назывались крыльями.

Сафа́т-река. — В Палестине есть Иосафатова долина. Паломники по святым местам — и они же певцы духовных стихов — перенесли название на несуществующую реку.

Тут для Алеши и стол пошел. — Владимир устроил пирование в честь победы Алеши над Тугарином.

Час ты мне свет дал. — Час — сейчас, теперь; *свет дал* — Владимир говорит, что почувствовал облегчение, избавившись от Тугарина.

МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

Как во славном-то во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Заводилось пированьице, почестен пир.

А и все на пиру да напивалися,
А и все на честно́м да приедалися,
Да и все на честно́м ведь прирасхвастались:
А иной же то хвастал широки́м двором,
А другой-от-то ведь хвастал золотой казной,
А ново́й-от-то хвастал добры́м конем,
Да другой-то хвастал силою могучею;
Только глупый-от ведь хвастал молодой женой.

И сидит молодец, да он не пьет, не ест,
А не пьет да он, не ест, да он не кушает,
И ничем же мо́лодец да ведь не хвастает,
И повесил мо́лодец да буйну голову —
Еще на́ имя Данила свет Игнатьевич.

Еще это князю Владимиру не показалося.
По се́реду кирпичному он запоха́живал,
Да он белыми руками заразва́живал,
Да он желтыми кудрями запотря́хивал:
— А что же ты, Данилушко Игнатьевич,
А не пьешь, да ты не ешь, да ты не кушаешь,
И ничем же ты, Данила, ведь не хвастаешь?

Тогда стал тут Данила на резвы́ ноги́,
Тогда кланялся Владимиру до сырой земли:
— Еще чем мне-ка, Владимир-князь, да ведь хвастати?
И двора-то у меня широкого не было,
Золотой у меня казны ведь не случилося,
А и сила-то была ведь во мне ровная.
Ведь служил я у тебя пятьдесят годов,
Да убил я тебе ведь пятьдесят царёв,
А мелкой силы убил — да той сметы нет.

Теперь от роду мне стало девяносто лет *:
Ты пусти-тко, пусти, Владимир, в монастырь пречéстные,
Да во те ли пусти во кельи во низкие,
Да спасти мне-ка, спасти да душу грешную!

А ответ держал Владимир-князь:
— Ой, нельзя, нельзя пустить тебя, Данилушка:
Еще некому делать ведь защиту всему Киеву.

И во второй раз просил Данилушка Игнатьевич:
— Да пусти же ты, Владимир, в монастырь пречéстные
Да во те-то ты пусти во кельи низкие,
Да спасти мне-ка, спасти да душу грешную! —
Говорил же тут Данила да Игнатьевич:
— А и будет те ограда белокаменная,
Да и будет те защита всему Киеву:
Есть ведь у меня да сын Михайлушка.

И тогда пустил его Владимир в монастырь пречéстныя
Да во тыи-то пустил во кельи низкие.

А узнали тут как те цари неверные,
Что во Киеве богáтыри ушли в монастыри *,
Приходил тогда туда неверный царь,
Приносил ведь он книгу настольную *,
Еще требует, собака, поеди́нщины.

Выходил Владимир-князь да на высоко крыльцо,
Да смотрел Владимир-князь да во все стороны:
У собаки ведь силы-то в чистóм полé,
Будто облако ходячее, нагóнено.
И тогда Владимир-князь зачáл почестен пир
Что на всех князей, на всех бояр.
Да на всех полéниц-то удáлыих,
Еще на весь-то народ да православныий.

Дак и все на пиру-то напивалися,
Да и все ведь на честнóм да наедалися.

Говорил тогда Владимир-князь в первóй накóн:
— Уж вы ой еси, князья мои бóяре,
Да вы ой еси, поле́ницы да удáлые,
Еще весь-то вы народ да православныий!
А и кто бы то ведь съездил да в чистó поле́
Да пересчитывать силы неверные?

А и в тую пору было, в тó время́ —
Большой ведь хоронится за среднего,
Еще средний-от хоронится за младшего,
А от младшего Владимиру ответа нет.

Говорил ведь Владимир во второй накóн,
Да и говорил ведь он и во третий накóн.
А и в тую пору было, в тó время́
Выходил тут дородный добрый мóлодец
Из-за того стола ведь белодубова,
Еще нá имя Михайло да Данилович.
Понизёшенько он Владимиру поклоняется,
Помалёшеньку ко Владимиру подвигается:
— Ты пусти-тко, пусти, Владимир-князь, в чистó поле́
Пересчитывать-то ведь силы неверные.

А ответ таков держал ему Владимир-князь:
— Ой же ты, Михайло да Данилович,
А и возрастом-то ведь ты же есть малёшенек,
Да и разумом-то ты же есть глупёшенек,
Тебе от роду, Михайло, те двенадцать лет,
Потеряешь ты, брат Михайло, свою голову.

А и то ведь Михайле да не показалося.
Еще скоро он пошел по се́реды кирпичноей.
Широко отворял он двери нá пяту,
Запирал он тыи двери кре́пко-нáкрепко,
А двери-то на щепочки рассыпалися,
Да и двери-то ведь те да пококолися,
И вся эта палата зашаталася,
Да едва эта палата не разрушилась.

Еще скоро он пошел да на широкий двор,
Да скорее того пошел он к своей матери.
Да седлал, да он уздал да лошадь добрую.
И поехал наш Михайло во чисто́ поле́,
В чи́сто поле поехал, он раздумался,
Что не съездил к своему родителю,
Что не взял от него благословенья-то полного.

Поворачивал добра́ коня́ ко монастырю пречéстному
Да ко тем ли да ко кельям низкиим.
А в тую пору мать сыра́ земля да зазыба́лася,
Старо старчище Данилище засовалося:
— А не мой ли ведь приехал да Михайлушка?
А куда, Михайло, едешь, куда путь держи́шь?
— Еду ведь я, ба́чко, да во чисто́ поле́
Пересчитывать-то ведь силы неверные.

Ответ держал старо старчище Данилище:
— Этая-то должность не твоя бы есть,
Не спустил бы я тебя да во чисто́ поле́,
И тая заповедь положена тяжелая,
Да и за́става положена великая *:
Тебе от роду, Михайло, те двенадцать лет,
Да потеряешь ты, Михайло, свою голову.

А и то ведь как Михайле да не показалося,
Скоро поворачивал добра́ коня́ во чисто́ поле́.
И рыкал то старо старчище Данилище гласом громкиим:
— Стой-ко ты, Михайло, да удержи коня,
Да возьми-ка от меня благословенье полное.
А поедешь ты, Михайло, во чисто́ поле́,
Выедешь ты на шеломя́ на окатисто,
А по-русскому, на гору да на высокую,
Да кричи-ка ты, Михайло, во всю голову,
Еще требуй-ка ты Бу́рушка косматого:
«Ай который же служил ты мойму батюшке,
Послужи-ка теперь сыну Михайлушке».

Прибежит тут конь да ведь косматыи,
Стоит он на горе да на высокия.
Да отмерь-ка ты, Михайлушка, как пять локо́ть
И копай-ко ты, Михайло, мать сыру́ землю́,
Да во сторону копай да ты в восточную,
А и тут сбруя да ведь богатырская.

Тогда выехал Михайло на шеломя́ окатисто,
Да кричал Михайло во всю голову,
Еще требовал он Бурушка косматого:
— Ай который же служил ты мойму батюшке,
Послужи-ка ты теперь сыну Михайлушке!

Да отмерил тут Михайло как ведь пять локо́ть *,
Да во сторону копал да он восточную,
И копал Михайло да мать сыру́ землю́,
Находил он тут всю сбрую богатырскую,
И тогда уж он поехал во чисто́ поле́.
Забренчала его палица боёвая,
Засвистела его сабля, сабля острая...

Только в тую было пору, в то́ время́
Добрый конь у Михайла прове́щился:
— Бей-ко ты, Михайло, силу с крайчику,
Не зае́зжай-кося, Михайло, в силу в ма́тицу *:
А и копают тут уланове * три погреба,
А три погреба копают тут глубокие
И становят тут в погреб копья острые.
Еще первый-от я погреб так перескочу,
Еще дру́гой-от я погреб ведь перескочу,
А третьего мне-ка погреба не пере́скочить.

И бьет Михайло тут коня по тучны́м бедра́м:
— Ах ты конь, мой конь, травяной мешок,
Не хочешь ты послужить мне-ка времени малого!

Да начал коня приправлять во силу да в ма́тицу:
Первой-то погреб его конь перескочил,

Да и дру́гой-от он погреб ведь перескочил,
А третьего-то погреба не перескочил —
И упал ногами он да задними,
Уронил Михайла́ он в глубо́к погре́б;
Только не пал тот на копья острые.

Набиралися уланове поганые
Да вязали ведь его за руки белые
Да теми петлями ведь шелко́выми
И ковали, ковали да во железа тяжелые,
Ведь резвы́ ноги́ ковали Михайловы,
И повели-то его ко царищу ко Уланищу.

Только молится Михайло спасу с богородицей:
— Ты не дай-кося меня поганым на пору́ганье,
Буду я служить да с ве́ка по́ веку...

А тогда ведь у Михайлы вдвое-втрое силы прибыло,
Разорвал он петли-то шелко́вые
Да сломал железа он тяжелые,
Ухватил он ведь о́слядь тележную
Да и по́чал ведь он ослядью помахивать:
Как вперед-то он махнет — так тут-то улица.
А назад-то отмахнет — так переулочек.

И узнала тут его конь-лошадь добрая,
Прибегала со всей со сбруей богатырскою,
И садился тут Михайло на добра́ коня́,
Да и начал он силы пересчитывать,
Пересчитывать тут силы с крайчику,
Да полонить те силы тут да с края на край.
И поехал он к царищу ко Уланищу,
И отсёк царищу он да буйну голову...
Сам он голове-то удивляется:
— Ведь ушища-то у царища — будто блю́дища,
А глазища-то у царища — будто чаши пи́вные,
А носище-то у царища — будто палица боёвая.

Так и едет тогда Михайло по чисту́ полю́,
И ходит тут-то старо старчище Данилище

Да со той ли со клюкою со железною,
Еще тая-то клюка да сорока пудов,
А старик-от сам ведь пригова́рива́т:
— Ой же вы еси, уланове поганые,
А убили у меня вы сына Михайлушка!

Тут приехал сам Михайло близ его,
Да кричал ему он гласом громкиим:
— Что ты еще, старой, тут-то делаешь?

А ответ держал старо старчище Данилище:
— Ой же ты, улановин поганыя,
Да подвинься-то сюда да ко мне, старому,
Так рассеку я тя клюкой и с конем на́двое!

А скричал Михайло гласом громкиим,
Еще громкиим он гласом да ребячиим:
— Стой-кося ты, монах, да удержи клюку.
Приздыни-тка ты свой колпак шелко́выя *,
Тогда да увидишь кого надобно.

Приздынул монах колпак шелко́выя,
Подъезжал тогда Михайло близ его,
Тут, во-первых, опознал своего Бурушка,
Во-вторых, опознал сына Михайлушка.
— Ты куда, Михайло, едешь, куда путь держи́шь?

— Еду я, бачко́, ведь во Киев-град.
Был же я ведь, бачко́, во несчастии:
Пересчитывал я силы ведь поганые,
В глубоки́ погреба ездил — убит не был...
Да поди-тко ты, бачко́, во монастырь прече́стныя
Да моли-тко ты бога по-прежнему,
А сам-от я поеду во Киев-град.

Да во Киев-град заехал не воротами —
Через стену заехал он городо́вую,
Через башню он заехал наугольную
И вязал коня к кольцу он золочёному.

Выходил тогда Владимир со Апраксией
И дивились голове-то тут улановой.

Так тогда уж вот завелся там почестен пир,
Что на всех князей пир, на бóяр-то ведь,
Да на всех и полéниц-то удáлыих.

* * *

Богатырь-малолетка Михайла Данилович совершает подвиг, который поразил не только князя, но и Данилу Игнатьевича — в прошлом бывалого воина. Богатырь не ведает робости — не внимает предупреждениям своего вещего коня; и хотя предсказание сбывается, но все же герой побеждает врагов. Сложение былины относят к XII веку. Академик Б. А. Рыбаков связал былину с боевым сражением русских сил против половцев под Лубном: «...Мы должны взглянуть на карту театра военных действий: Хорол течет в 40—45 километрах от Лубна, в глубине половецких степей; весь водораздел Сулы и Хорола, особенно ближе к последнему, изрезан глубокими балками и оврагами... Русская легкая конница — «молодь», «стрельцы», на которых обычно возлагалась погоня (и в числе которых должен был быть молодой отрок Михайлушка), неизбежно должна была встретиться с трудностями скачки по пересеченной неизвестной местности, где так легко было расположить ханский лагерь за оврагами — «перекопами» (Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. Изд-во Ак. наук СССР. М., 1963, стр. 117).

Теперь от роду мне стало девяносто лет... — Раньше певец назвал Данилу Игнатьевича «молодцом». Это — бессознательное следование певца обыкновению так именовать всякого богатыря.

Что во Киеве богáтыри ушли в монастыри... — Ушел один богатырь, а говорится обо всех. Либо речь идет о том, что с Данилой постриглись в монахи и другие воины, либо это оговорка певца, который понаслышке знал о том, что в монастырь уходили и другие воины.

Приносил ведь он книгу настольную... — Вероятно, речь идет о какой-то гадательной книжке, по которой неверный царь решил избрать для поединка удобное и счастливое для себя время и место.

Да и зáстава положена великая... — Слово «застава» здесь имеет смысл — обет, обязательство, запрет.

Лóкоть — мера длины от конца среднего пальца до локтевого сгиба.

Не заéзжай-кося, Михайло, в силу в мáтицу... — *Мáтица* — главная потолочная балка, проходящая посередине. Конь советует Михайлу не заезжать в самую гущу врагов, в середину их.

Улáнове — конные воины с копьями. Отсюда имя царя — Уланище.

Призды́ни-тка ты свой колпак шелкóвыя... — Речь идет о клобуке Данилы, ставшего монахом. Богатырь говорит отцу, чтобы тот приподнял (призды́нул) клобук и признал его.

ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ

А как падала погодушка да со синя́ моря,
А со си́ня морюшка с Корсу́нского *
А со дождями-ти, с туманами.
А в ту-ту погоду в синёмо́рскую
Заносила тут неволя три чернёных три-то ко́рабля
Что под тот под славён городок под Ко́рсунь же,
А во ту-то всё во гавань всё в Корсунскую.

А во том-то городе во Корсуни
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и ни королевича.
Как ни князя не было и ни княже́вича:
Тут жила-была Маринка дочь Кайдаловна...

Они как ведь в гавань заходили — брала пошлину,
Паруса ронили — брала пошлину,
Якоря-то бросали — брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали — брала пошлину,
А как в шлюпочки садились — брала пошлину,
А к мосту приставали — мостову́ брала *,
А как по́ мосту шли — да мостову́ брала,
Как в таможню заходили — не протамо́жила *.
Набирала она дани-пошлины немножко-немало — сорок тысячей.
А да взяла она трои́ рука́вочки *,
Что да те трои́ рука́вочки, трои́ перчаточки;
А как эти перчаточки а не сшиты были, не вязаны,
А выши́ваны те были красны́м золотом,
А высаживаны дорогим-то скатным жемчугом,
А как всажено было каменье самоцветное;
А как первы те перчатки во пятьсот рублей,
А други те перчатки в целу тысячу,
А как третьим перчаткам цены не было;
Везены́ эти перчатки в подареньицо
А тому же ведь князю все Володьему.

Обирала эти черны корабли * она начисто,
Разгонила она трех младых корабельщиков

А как с тех с черных с трех-то кораблей,
Она ставила своих да крепких сторожей.

А как корабельщички ходят по городу по Корсуню,
Они думают-то думушку заединую,
Заедину ту думушку промежду́ собой.
А да что купили они чернил, бумаг,
А писали они да ерлыки те скорописчаты
Что тому же князю Глебову Володьему:
«Уж ты гой, ты князь да Глеб, ты сын Володьевич!
Уж как падала погодушка со синя́ моря,
Заметало нас под тот же городок под Корсунь же.
А во том же было городе во Корсуни
Ни царя не было, ни царевича,
Ни короля-то не было и ни королевича,
А ни князя не было и ни княжевича;
Как княжи́ла Маринка дочь Кайдаловна...
А мы как ведь в гавань заходили — брала с нас ведь пошлины,
А ведь как паруса ронили — брала пошлину,
Якоря те бросали — брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали — брала пошлину,
Уж мы в шлюпочки садились — брала с нас ведь пошлину,
А как к пло́ту приставали — плотово́ брала,
А ведь как по мосту шли — так мостово́ брала,
А в таможню заходили — не протамо́жила.
Да взяла она дани-пошлины сорок тысячей,
А взяла у нас трои перчаточки;
Везены были тебе, да князю, в подареньицо:
А как первы те перчатки во пятьсот рублей,
А вторы те перчатки в целу тысячу,
А третьим перчаткам цены не было».

Они скоро писали, запечатали,
Отослали князю Глебову Володьему.

А тут скоро пришли ерлыки к ему,
Он их скоро распечатывал, просматривал.

Как его же сердце было неуступчиво;
Разъярилось его сердце богатырское.
А он скоро брал свою-то золоту трубу разрывчату *,
Выходил-то скоро на красно крыльцо косящато,
Он кричал-то, зычал зычным голосом,
Зычным голосом да во всю голову:
— Уж вы гой еси, дружины мои хоробрые!
Уж вы скоро вы седлайте-уздайте добры́х коней,
Уж вы скоро, легко скачите на добрых коней,
Выезжайте вы скоро да во чисто́ поле́.

А как услыхала его дружья-братья-товарищи *,
Они скоро-то добрых коней да собирали же,
Выседлали-уздали они добрых коней,
Да скоро садились на добрых коней,
А из города поехали не воротами,
Не воротами-то ехали не широкими,
А скакали через стену городо́вую,
Выезжала-се дружина на чисто́ поле́,
А как съехалось дружины тридцать тысячей.

Выезжал-то князь Глеб-сударь Володьевич
Со своими дружинниками хоробрыми.
Прибирал он дружью ту, дружины все хоробрые,
Чтобы были все да одного росту,
А да голос к голосу да волос к волосу;
А из тридцать тысяч только выбрал триста добрых молодцов, —
Их-то голос к голосу да волос к волосу:
— Уж вы поедемте, дружина моя хоробрая,
А ко тому-то славну городу ко Корсуню,
А ко той же ти Маринке дочери Кайдаловне...

А как садились они скоро на добрых коней,
А поехали они путем-дорогою.

Как доехали они до города до Корсуня,
Становил-то Глеб своего добра́ коня:

— Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая!
Соходите вы скоро ведь со добры́х коней,
Становите вы шатры полотняны,
А да спите-тко, лежите во белых шатрах,
А держите караулы крепкие и строгие;
Уж вы слушайте: неровно-то зазвенит да моя сабля,
Заскрипят да мои плечи богатырские —
Поезжайте-тко ко городу ко Корсуню,
А скачите вы через стену городо́вую,
Уж вы бейте-ка по городу старого и малого,
Ни единого не оставляйте вы на семена.
Я как поеду топерече ко городу ко Корсуню,
К той Маринке дочери Кайдаловне.

Подъезжает Глеб под стену ту,
Да под ту же башню науго́льную,
Закричал-то он да зычным голосом:
— Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачем ты обрала у меня черны корабли,
Ты зачем же у меня сгонила с кораблей моих трех-то корабельщиков,
А начто поставила да своих караульщиков?

Услыхала Маринка дочь Кайдаловна;
Скоро ей седлали-уздали всё добра́ коня,
Выезжала она на ту же стену городо́вую:
— Здравствуй-ко, Глеб ты князь да сын Володьевич!
— Уж ты здравствуй-ка, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачем ты у меня взяла мои-то три-то корабля,
А сгонила моих трех-то корабельщиков со кораблей?
— Уж ты гой еси, ты, князь да сын Володьевич!
Я отдам тебе три черненых три-то корабля,
А да только отгани-тко * три мои загадки хитромудрые, —
Я отдам тебе-то три черненых корабля.
— Только загадывай ты загадки хитромудрые, —
А как буду я твои загадочки отгадывать.

— А как перва та у меня загадка хитромудрая:
Еще что же в лете бело, да в зимы зелено? —

Говорит-то Глеб да таковы речи:
— Не хитра твоя мудра загадка хитромудрая,
А твоей глупе загадки на свете нет:
А как в лете-то бело — господь хлеб дает,
А в зимы-то зелено — да тут ведь ель цветет.
— А загану тебе втору загадку хитромудрую:
А да что без кореньица растет да без лыж катится?
— Без кореньица растут белы снеги,
А без лыж-то катятся быстры ручьи.
— Загану тебе третью загадку хитромудрую:
А как есть у вас да в каменно́й Москве,
В каменной Москве да есть мясна гора;
А на той на мясной горе да кипарис * растет,
А на то́м кипарисе-дереве сокол сидит.
— Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
Не хитра твоя загадка хитромудрая,
А твоей загадочки глупе на свете нет:
Как мясна та гора — да мой ведь добрый конь,
Кипарис-дерево — мое седелышко,
А как со́ловей сидит-то * — я, удалый добрый молодец.
— Я топерече отсыплю от ворот да пески, камешки *,
А сама-то я, красна девица, за тебя замуж иду.

Как поехала Маринка с той стены да белокаменной,
Приезжала к себе да на широкий двор,
Наливала чару зелена́ вина да в полтора ведра,
А да насыпала в чару зелья лютого,
Выезжала на ту же стену городо́вую,
Подавала Глебушку она чару зелена́ вина:
— Уж ты на-тко на приезд-от чару зелена вина!

А как принимается-то Глеб да единой рукой,
Еще хочет он пить да зелена вина;
А споткнулся его конь на ножечку на правую,
А сплескал-то чару зелена вина
А да на тою да гриву лошадиную, —
Загорелась у добра коня да грива лошадиная.

А как тут да Глеб испугался же,
А бросал-то чару на сыру землю;
Еще как тут мать сыра земля да загорелася.

А как разъярилось его сердце богатырское,
А стегал он добра коня да по кру́тым бедра́м;
Как поскачет его конь во всю-ту прыть да лошадиную,
А как скакал с прыти его добрый конь да через стену городо́вую,

А сустиг-то ее, Маринку, середи двора,
А отсек тут ей, Маринке, буйну голову;

А как тут Маринке и смерть пришла,
Смерть пришла ей да середи двора.

* * *

По мнению одних ученых, былина воспроизводит поход Владимира Мономаха вместе с новгородским и тьмутараканским князем Глебом Святославичем на Корсунь в 70-х годах XI столетия, чтобы устранить там притеснения, творимые русской торговле. По мнению других ученых, былина говорит о походе Володаря Ростиславича, внука новгородского князя Владимира Ярославича.

Художественный интерес былины сосредоточился на ходе событий, последовавших за решением Глеба наказать Маринку. В былине столкнулись люди разного характера: прямодушный и открытый князь, не терпящий несправедливости, и коварная женщина, вынашивающая тайный умысел погубить Глеба. Лестью и притворной покорностью Маринка чуть не погубила князя. Только случайность спасла его. Симпатии народа и певца на стороне князя. Образ Маринки напоминает других коварных обольстительниц в эпосе.

А со си́ня морюшка с Корсу́нского...— Корсунское море — Черное море у древнего Херсонеса (недалеко от Севастополя). В средние века торговый порт служил перевалочным пунктом.

А к мосту приставали — мостову́ брала... — Мост — причал. *Мостовая пошлина* — пошлина за позволение пристать к причалу.

Как в таможню заходили — не протамо́жила. — В таможнях взималась пошлина — оплата за товары, вывозимые и ввозимые в страну.

Маринка взимает грабительскую пошлину; «не протаможила» — то есть не упустила возможности взять самую высокую оплату.

А да взяла она трой рукáвочки... — Эпизод не выдуман: в уплату таможенники действительно брали рукавицы и варежки — об этом есть свидетельства северорусских грамот. Вымысел состоял лишь в том, что рукавицы в былине необычайно дороги, украшены самоцветами, жемчугом.

Черны (черненые) корабли — корабли, построенные из «черного» леса: дуба, ясеня.

Золота труба разрывчата. — Эпитет «разрывчатый» уместен, когда речь идет о луке, употребление его здесь неоправданно.

Дружья-братья-товарищи. — Возможно, «дружья» — это друзья, но, судя по смыслу, речь идет о дружинниках.

Отгани-тко — отгадай-ка.

Кипарис. — Древесина кипариса отличалась прочностью и ценилась. Седло иносказательно названо кипарисом потому, что имело деревянный остов, обтянутый кожей.

А как сóловей сидит-то... — Иносказание жених-сокол перешло в другое — жених-соловей; здесь эти иносказания равнозначны.

Я топерече отсыплю от ворот да пески, камешки... — В случае осады крепостные ворота города изнутри засыпали песком и привалили камнями.

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мóлодой Вольгá,
Мóлодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга растéть-матерéть,
Похотелося Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под óболока,
Серым волком рыскáть да по чистыим полям.
Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за óболока,
Ускакали все звери во темныи леса.

Как стал тут Вольга растéть-матерéть,
Собирал себе дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатыих.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков нелéгченых.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.

Повыехали в раздольице чистó полé,
Услыхали во чистом поле орáтая,
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают.

Ехали-то день ведь с утра дó вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра дó вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до пáбедья.
А наехали в чистом поле оратая.

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пенье-коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит.
У оратая кобыла солóвая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки краснá золота.

А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы́ востры,
Вот под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, ора́тай-ората́юшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
А бороздки тебе да пометывати,
А пенья-коренья вывертывати,
А большие-то каменья в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
— Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна божья помочь крестьянствовати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держи́шь?

Тут прого́ворил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да ро́дной дядюшка,
Ро́дной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут прого́ворил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тебя в речке да во Смородине!

Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха́,
Каждый мех-то был ведь по́ сто пуд...
А тут стали мужички с меня грошей просить,
Я им стал-то ведь грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит *.

Тут прогово́рил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ты поедем-ко со мною во товарищах.

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелко́вые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.

Как хвост-то у ней расстилается,
А грива́-то у нее да завивается.
У оратая кобыла сту́пью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла *,
А Вольгин конь да остается.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст. —

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за о́бжи вокруг вертя́т,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут мо́лодой Вольга Святославович
Посылает-от дружинушку хоробрую
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за о́бжи вокруг вертя́т,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за о́бжи вокруг вертя́т,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,

Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добры́х коне́й, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла сту́пью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оставается.

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За этую кобылу пятьсот бы дали́.

Тут прого́ворил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не́ было бы!

Тут прого́ворит Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отечеству?

Тут прого́ворил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во ски́рды сложу,
Я во ски́рды сложу да домой выволочу *,
Домой вы́волочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»

* * *

Певцы этой былины внушали своим слушателям уважение к тяжелому труду землепашца. Микула пашет на необыкновенной сохе, гужи у него шелковые, омешики булатные, присошечек серебряный, рогачик из красного золота. На пахаре сапоги «зелен сафьян», кафтан черного бархата, на голове у него пуховая шляпа. Былина напоминает величальную песню: как при величании, пахарь назван по имени и отчеству. Прославлению Микулы-пахаря служит и рассказ о превосходстве Микулы над Вольгой и его дружиной.

Ученые давно обратили внимание на подробности пахоты Микулы в поле — как он сохой пенья-коренья вывертывает, валит в борозду большие камни: «Это точная картина северной пахоты — в губерниях Новгородской, Псковской, Олонецкой и др., где пашни иногда сплошь усеяны валунами, то мелкими, о которых постоянно почеркивают омешики сохи, то крупные, которые приходится огибать при пахании. Только соха чудесного пахаря Микулы Селяниновича могла великие камни вывертывать и в борозду валить. Вывертывание кореньев также указывает на северные нивы, расчищенные среди леса, а не на привольные, обширные пахотные пространства на южном черноземе» (Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I, М., 1897, стр. 168—169). На этом и других основаниях заключили о северно-русском характере былины.

Который стоя стоит, тот сидя сидит, который сидя сидит, тот и лежа лежит. — Кто стоял, тот стал сидеть, кто сидел, тот стал лежать.

У оратая кобыла грудью пошла... — Кобыла пошла груню — тихой рысью.

Я во скúрды сложу да домой вы́волочу...— Микула говорит, что свезет, выволочит снопы, свезет их волоком, сложив на длинные жерди, в которые будет впряжена его лошадь.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, океан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты Днепровские!

Из-за моря, моря синего,
Из глухоморья зеленого,
От славного города Ле́денца *,
От того-то царя ведь заморского
Выбегали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, как един корабль,
Славного гостя богатого
Молода Соловья сына Будими́ровича.

Хорошо корабли изукрашены,
Один корабль получше всех:
У того было сокола у ко́рабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вместо бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому ведь сибирскому;
Вместо уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вместо ушей было воткнуто
Два востра копья мурзамецкие;
И два горностая повешены,
И два горностая, два зимние;
У того было сокола у корабля
Вместо гривы прибивано
Две лисицы бурнастые;
Вместо хвоста повешено
На том было соколе-корабле
Два медведя белые заморские;
Нос, корма по-тури́ному,
Бока взведены по-звериному *.

Бегут ко городу Киеву,
К ласкову князю Владимиру.

На том соколе-корабле
Сделан муравлен чердак*.
В чердаке была беседа — дорог рыбий зуб*,
Подернута беседа рытым бархатом;
На беседе-то сидел купав молодец*,
Молодой Соловей сын Будимирович.

Говорил Соловей таковы слова:
— Гой еси вы, гости-корабельщики,
И все целовальники любимые!
Как буду я в городе Киеве,
У ласкова князя Владимира,
Чем мне-ка будет князя дарить,
Чем света жаловати?

Отвечают гости-корабельщики
И все целовальники любимые:
— Ты славный богатый гость
Молодой Соловей сын Будимирович!
Есть, суда́рь, у вас золота казна,
Сорок сороко́в черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц;
Есть, суда́рь, дорога́ камка́,
Что не дорога́ ка́мочка — узор хитер:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Еруса́лима*,
Замыслы Соловья Будимировича;
На злате, на се́ребре — не по́гнется.

Прибежали корабли под славный Киев-град,
Якори метали в Днепр-реку,
Сходни бросали на крут бережок,
Товарную пошлину в таможне платили
Со всех кораблей семь тысячей,
Со всех кораблей, со всего живота.

Брал Соловей свою золоту казну,
Сорок сороков черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц,
Пошел он ко ласкову князю Владимиру.

Идет во гридню во светлую,
Как бы на пяту́ двери отворялися,
Идет во гридню купав молодец
Молодой Соловей сын Будимирович,
Владимиру-князю кланяется,
Княгине Апраксеевне в особицу,
И подносит князю свои дороги́ подарочки:
Сорок сороков черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку́ бело-хрущатую,
Не дорога́ ка́мочка — узор хитер:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Еруса́лима,
Замыслы Соловья сына Будимировича;
На злате и се́ребре — не по́гнется.

Князю дары полюбилися,
А княгине наипаче того.

Говорил ласковый Владимир-князь:
— Гой еси ты, богатый гость,
Соловей сын Будимирович!
Заимей дворы княженецкие,
Заимей ты боярские,
Заимей дворы и дворянские.

Отвечает Соловей сын Будимирович:
— Не надо мне дворы княженецкие,
И не надо дворы боярские,
И не надо дворы дворянские;
Только ты дай мне загон земли,
Непаханной и не́бранной,
У своей, государь, княженецкой племянницы,
У молодой Забавы Путятичны,

В ее, государь, зеленом саду,
В вишенье, в орешенье
Построить мне, Соловью, снаряден двор.

Говорил суда́рь ласковый Владимир-князь:
— О том я с княгинею подумаю.

А подумавши, отдавал Соловью загон земли,
Непаханной и неоранной.
Походил Соловей на свой червлен корабль,
Говорил Соловей сын Будимирович:
— Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите к Забаве в зеленый сад,
Постройте мне снаряден двор,
В вишенье, в орешенье.

С вечера, поздны́м-поздно́,
Будто дятлы в дерево пощелкивали,
Работала его дружина хоробрая.
Ко полуночи и двор поспел:
Три терема златоверховаты,
Да трое сеней косящатых,
Да трое сеней решетчатых,
Хорошо в теремах изукрашено:
На́ небе солнце — в тереме солнце;
На́ небе месяц — в тереме месяц;
На́ небе звезды — в тереме звезды;
На́ небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили к заутрене,
Ото сна-то Забава пробуждалася,
Посмотрела сама в окошечко косящатое
В вишенье, в орешенье,
Во свой ведь хороший во зеленый сад, —
Чудо Забаве показалося:
В ее хорошем зеленом саду
Что стоят три терема златоверховаты.

Говорила Забава Путятична:
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красные сенные девушки!
Подьте-ка, посмотрите-ка,
Что мне за чудо показалося
В вишенье, в орешенье?

Отвечают нянюшки, матушки
И сенные красные девушки:
— Матушка Забава Путятична!
Изволь-ка сама посмотреть:
Счастье твое на двор к тебе пришло.

Скоро-то Забава наряжается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-то шубе три тысячи,
А пуговки в семь тысячей.
Пошла она в вишенье, в орешенье,
Во свой во хорош во зеленый сад;
У первого терема послушала —
Тут в тереме щелчи́т-молчит:
Лежит Соловьева золота казна.
Во втором тереме послушала —
Тут в тереме потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, всё молитву творят:
Молится Соловьева матушка
Со вдовами честными, многоразумными.
У третьего терема послушала —
Тут в тереме музыка гремит.

Тут входила Забава в сени косящатые,
Отворила двери на́ пяту,
Больно Забава испугалася,
Резвы ноги подломилися,
Чудо в тереме показалося:
На́ небе солнце — в тереме солнце;
На́ небе месяц — в тереме месяц;
На́ небе звезды — в тереме звезды;

Нá небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Подломились ее ноженьки резвые;
В ту пору Соловей, он догадлив был,
Бросил свои звончаты гусли,
Подхватывал девицу за белы́ ручки́:
— Чего-де ты, Забава, испугалася?
Мы-то оба на возрасте!

— А и я де девица на выданье,
Пришла-то сама за тебя свататься!

Тут они и помолвили,
Золотыми перстнями поменялися.
Проведала его Соловьева матушка,
Честнá вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу играть отсрочила:
— Съезди-ка за моря синие,
И когда ты там расторгуешься,
Тогда и на Забаве поженишься.

Отъезжал Соловей за моря синие.
В ту пору поехал и голый щап Давид Попов,
Скоро за морями исторгуется,
А скорей того назад в Киев прибежал.

Приходил ко ласкову князю с подарками,
Принес сукно смурое
Да крашенину печатную.
В ту пору князь стал спрашивати:
— Гой еси ты, голый щап Давид Попов!
Где ты слыхал, где видывал
Про гостя богатого, про молода
Соловья сына Будимировича?

Отвечал ему голый щап:
— Я-то о нем слыхал,

Да и сам подлинно видел в городе Ле́денце,
У того царя заморского;
Соловей у царя в протаможье попал *
И за то посажен в тюрьму,
А корабли его отобраны
На его ж царское величество.

Тут ласковый Владимир-князь закручинился,
Скоро вздумал о свадьбе,
Что отдать Забаву за голого щапа Давида Попова.

Тысяцкий — ласковый Владимир-князь,
Сватала — княгиня Апраксеевна,
В поезде — князья и бояре,
Подъезжали ко церкви божьей-то, —
В ту пору в Киев флот пришел
Богатого гостя молода,
Соловья сына Будимировича.
Якори метали во быстрый Днепр,
Сходни бросали на крут-красен бережо́к.

Выходил Соловей со дружиною
Из сокола-корабля с каликами.
Приходили они ко честно́й вдове Амелфе Тимофеевне,
Правят челобитье от сына ее, гостя богатого,
От молода Соловья Будимировича,
Что прибыл флот в девяносто кораблей
И стоит на быстром Днепре, под городом Киевом.

А оттуда пошли ко ласкову князю Владимиру
На княженецкий двор
И стали во единый круг.

В ту пору следовал со свадьбою
Владимир-князь в дом свой.
И пошли во гридни светлые,
Садилися за столы белодубовые,
За яства сахарные
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою.

Тогда ласковый Владимир-князь
Велел подносить ви́на им заморские
И меда́ сладкие.
Тотчас по поступкам Соловья опо́знали,
Приводили его ко княженецкому столу.

Сперва говорила Забава Путятична:
— Гой еси, мой су́дарь дядюшка,
Ласковый суда́рь Владимир-князь!
Тот-то мой прежний обрученный жених,
Молодой Соловей сын Будимирович.
Прямо, су́дарь, скачу — обесчещу столы! *

Говорил ей ласковый Владимир-князь:
— А ты гой еси, Забава Путятична,
А ты прямо не скачи, не бесчести столы!

Выпускали ее из-за дубовых столов,
Пришла она к Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку белую
И пошла за столы белодубовы,
И сели они за яства сахарные на большо́ место́.

В ту пору ласковый Владимир-князь весел стал,
А княгиня наипаче того,
Поднимали пирушку великую.

* * *

Былина повествует о сватовстве заморского гостя — купца к племяннице киевского князя. Здесь использованы обычные в свадебной поэзии иносказания. Соловей Будимирович просит «загон земли» в Киеве и желает в зеленом саду Забавы Путятичны — «в вишенье и орешенье» строить свой двор. На условном поэтическом языке эти речи означают сватовство. Самое имя Соловья стоит в связи с обычным в свадебных и лирических песнях называнием жениха соловьем. По этой причине он и купец — то есть жених. Вместе с тем в былине Соловей Будимирович и настоящий купец. Он торгует за морем и как

завидный жених желанен князю Владимиру. Браки киевских княжен, вывозимых за пределы Руси, укрепляли международные связи Киевского государства, а торговля несла богатство и процветание.

Былина красочна в передаче бытовых подробностей — в рассказе о кораблях Соловья, об украшении терема, о свадебных подарках и пр. Запев былины о высоте поднебесной, глубине океана-моря, широком раздолье и днепровских омутах был использован в опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко».

От славного города Ле́денца... — Речь идет о какой-то Веденецкой земле, вероятнее всего, это — Венеция; «Леденец» — слегка искаженный «Веденец».

Нос, корма по-тури́ному, бока взведены по-звериному... — Правдоподобное воспроизведение изогнутой старинной ладьи с изображением зверей на носу и корме.

Муравлен чердак — на палубе помост зеленого цвета (от слова «муравый»).

Беседа — дорог рыбий зуб... — Беседа — место под навесом в ладье, украшена резьбой из кости — «рыбий зуб».

Купав молодец — красивый, молодой (от слова «купавый» — белый, чистый).

Хитрости были Царя-града, а и мудрости Еруса́лима... — Речь идет о камке, ярко-малиновой шелковой ткани с замысловатыми узорами и, возможно, с изображением символов христианства.

В протаможье попал... — так плохо торговал, что не было чем оплатить таможенную пошлину.

Прямо, су́дарь, скачу — обесчещу столы! — Забава так рада возвращению Соловья, что грозится выскочить навстречу жениху, чем могла бы опозорить себя и князя Владимира.

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пированье — почестный пир
На многие князи на бояры,
На всех тех гостей званых-браныих,
Званых-браных гостей, приходящиих.
Все на пиру наедалися,
Все на честном напивалися,
Все на пиру порасхвастались:
Иной хвалится добрым конем,
Иной хвалится шелковым портом,
Иной хвалится селами со приселками,
Иной хвалится городами с пригородками,
Иной хвалится родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.

Из тоя из земли Ляховицкия *
Сидел молодой Ставер сын Годинович:
Он сидит за столом, да сам не хвастает.
Испроговорил Владимир стольно-киевский:
— Ай же ты, Ставер сын Годинович!
Ты что сидишь сам да не хвастаешь?
Аль нет у тебя сел со приселками,
Аль нет городов с пригородками,
Аль нет у тебя добрых комоней,
Аль не славна твоя родна матушка,
Аль не хороша твоя молода жена?

Говорит Ставер сын Годинович:
— Хотя есть у меня села со приселками,
Хотя есть города с пригородками,
Да то мне, молодцу, не похвальба;
Хотя есть у меня добрых комоней,
Добры комони стоят, всё не ездятся,
Да то мне, молодцу, не похвальба;
Хоть славна моя родна матушка,
Да и то мне, молодцу, не похвальба;

Хоть хороша моя молода жена,
Так и то мне, молодцу, не похвальба:
Она всех князей-бояр да всё повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет.

Все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:
— Ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Засадим-ка Ставра в погреба глубокие,
Так пущай-ка Ставрова молода жена
Нас, князей-бояр, всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет,
А Ставра она из погреба повыручит!

А и был у Ставра тут свой человек.
Садился на Ставрова на добра коня,
Уезжал во землю Ляховицкую
Ко той Василисте Микуличной:
— Ах ты ей, Василиста дочь Микулична!
Сидишь ты пьешь да прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Как твой Ставер да сын Годинович
Посажен в погреба глубокие;
Похвастал он тобой, молодой женой,
Что князей-бояр всех повыманит,
А солнышка Владимира с ума сведет.

Говорит Василиста дочь Микулична:
— Мне-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить;
Мне-ка силой выручать Ставра — не выручить;
Я могу ли нет Ставра повыручить
Своей догадочкою женскою!

Скорешенько бежала она,
Подрубила волоса по-молодецки-де,
Накрутилася Васильем Микуличем,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорок молодцев удалых стрельцов,
Сорок молодцев удалых борцов,
Поехала ко граду ко Киеву.

Не доедучи до града до Киева,
Пораздернула она хорош-бел шатер,
Оставила дружину у бела шатра,
Сама поехала ко солнышку Владимиру.
Бьет челом, поклоняется:
— Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский
С молодой княгиней со Апраксией!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Ты откудашний, удалый добрый молодец,
Ты коей орды, ты коей земли,
Как тебя именем зовут,
Нарекают тебя по отчеству?

Отвечал удалый добрый молодец:
— Что я есть из земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич-де;
Я приехал к вам о добром деле — о сватанье
На твоей любимыя на дочери.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу — со дочерью подумаю.

Приходит он ко дочери возлюбленной:
— Ах ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал к нам посол из земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич-де,
Об добром деле — об сватанье
На тебе, любимыя на дочери:
Что же мне с послом будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:
— Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!
Речь-поговоря — все по-женскому;

Пересќи тоненьки — все по-женскому;
Где жуковинья были — тут место знать;
Стегна жмет — все добра бережет.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу посла поотведаю.

Приходит к послу земли Ляховицкия,
Молоду Василью Микуличу:
— Уж ты молодой Василий сын Микулич-де!
Не угодно ли с пути со дороженьки
Сходить тебе во парную во баенку?

Говорил Василий Микулич-де:
— Это с дороги не худо бы! —
Стопили ему парну баенку.
Покуда Владимир снаряжается,
Посол той поры во баенке испарился,
С байны идет — ему честь отдает:
— Благодарствуй на парной на баенке!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Что же меня в баенку не подождал?
Я бы в байну пришел — тебе жару поддал,
Я бы жару поддал и тебя обдал.

Говорил Василий Микулич-де:
— Что ваше дело домашнее,
Домашнее дело, княженецкое;
А наше дело посольское:
Недосуг нам долго чваниться,
Во баенке долго нам париться;
Я приехал об добром деле — об сватанье
На твоей любимыя на дочери.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу — с дочерью подумаю.

Приходит он ко дочери возлюбленной:
— Ты ей же, дочь моя возлюбленна!

Приехал есть посол земли Ляховицкия
Об добром деле — об сватанье
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?

Говорит как дочь ему возлюбленна:
— Ты ей, государь мой родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по-женскому;
Персики тоненьки — все по-женскому;
Где жуковинья были — тут место знать.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу посла да поотведаю.

Приходит ко Василью Микуличу,
Сам говорил таково слово:
— Молодой Василий Микулич-де!
Не угодно ль после парной тебе баенки
Отдохнуть во ложни во теплыя?
— Это после байны не худо бы!

Как шел он во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился, где ногам быть,
А ногами ложился на подушечку.
Как шел туда Владимир стольно-киевский,
Посмотрел во ложню во теплую:
Есть широкия плеча богатырския.

Говорит посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де:
— Я приехал о добром деле — об сватанье
На твоей любимыя на дочери;
Что же ты со мной будешь делати?

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я пойду — с дочерью подумаю. —

Приходит ко дочери возлюбленной:
— Ай же, дочь моя возлюбленна!
Приехал посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де,
За добрым делом — за сватаньем
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:
— Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу посла да поотведаю.

— Ах ты молодой Василий Микулич-де!
Не угодно ли с моими дворянами потешиться,
Сходить с ними на широкий двор,
Стрелять в колечко золоченое,
Во тоя в острии ножевыя,
Расколоть-то стрелочку надвое,
Чтоб были мерою равненьки и весом равны?

Стал стрелять стрелок перво князевый:
Первый раз стрелил он — не дострелил,
Другой раз стрелил он — перестрелил,
Третий раз стрелил он — не попал.
Как стал стрелять Василий Микулич-де,
Натягивал скоренько свой тугой лук,
Налагает стрелочку каленую,
Стрелял в колечко золоченое,
Во тоя острие во ножевое,
Расколол он стрелочку надвое,
Они мерою равненьки и весом равны,
Сам говорит таково слово:
— Солнышко Владимир стольно-киевский!
Я приехал об добром деле — об сватанье
На твоей на любимыя на дочери;
Что же ты со мной будешь делати? —

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу-пойду — с дочерью подумаю.

Приходит к дочери возлюбленной:
— Ай же ты, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де,
Об добром деле — об сватанье
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:
— Что у тебя, батюшко, на разуме:
Выдаешь ты девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по-женскому;
Перески тоненьки — все по-женскому;
Где жуковинья были — тут место знать.

— Я схожу посла поотведаю.

Он приходит к Василью Микуличу,
Сам говорит таково слово:
— Молодой Василий Микулич-де,
Не угодно ли тебе с моими боярами потешиться,
На широком дворе поборотися?

Как вышли они на широкий двор,
Как молодой Василий Микулич-де
Того схватил в руку, того в другую,
Третьего склеснет в середочку,
По трое за раз он наземь ложил,
Которых положит — тыи с места не стают.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Ты молодой Василий Микулич-де!
Укроти-ко свое сердце богатырское,
Оставь людей хоть нам на семена! —

Говорил Василий Микулич-де:
— Я приехал о добром деле — об сватанье
На твоей любимыя на дочери;
Буде с чести не дашь, возьму не́ с чести *,
А не с чести возьму — тебе бок набью!

Не пошел больше к дочери спрашивать,
Стал он дочь свою просватывать.

Пир идет у них по третий день,
Сего дня им идти к божьей церкви.
Закручинился Василий, запечалился.
Говорил Владимир стольно-киевский:
— Что же ты, Василий, не весел есть?

Говорит Василий Микулич-де:
— Что буде на разуме не весело:
Либо батюшко мой помер есть,
Либо матушка моя померла.
Нет ли у тебя загусельщиков,
Поиграть во гуселышка яровчаты?

Как повыпустили они загусельщиков,
Все они играют, все не весело.

— Нет ли у тя молодых затюремщиков? —
Повыпустили молодых затюремщиков,
Все они играют, все не весело.

Говорит Василий Микулич-де:
— Я слыхал от родителя от батюшка,
Что посажен наш Ставер сын Годинович
У тебя во погреба глубокие:
Он горазд играть в гуселышки яровчаты.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Мне повыпустить Ставра —
Мне не видеть Ставра;

А не выпустить Ставра —
Так разгневить посла! —
А не смеет посла он поразгневати —
Повыпустил он Ставра он из погреба.
Он стал играть в гуселышки яровчаты —
Развеселился Василий Микулич-де...

Говорил Василий Микулич-де:
— Солнышко Владимир стольно-киевский!
Спусти-ка Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрые!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Мне спустить Ставра — не видать Ставра,
Не спустить Ставра — разгневить посла! —
А не смеет он посла да поразгневати.
Он спустил Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя.

Приехали они ко белу шатру,
Зашел Василий в хорош-бел шатер,
Снимал с себя платье молодецкое,
Одел на себя платье женское,
Сам говорил таково слово:
— Теперича, Ставер, меня знаешь ли?

Говорит Ставер сын Годинович:
— Молода Василиста дочь Микулична!
Уедем мы во землю Политовскую! *

Говорит Василиста дочь Микулична:
— Не есть хвала добру молодцу,
Тебе, воровски из Киева уехати,
Поедем-ка свадьбу доигрывать!

Приехали ко солнышку Владимиру,
Сели за столы за дубовые.
Говорил Василий Микулич-де:

— Солнышко Владимир стольно-киевский!
За что был засажен Ставер сын Годинович
У тебя во погреба глубокие?

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Похвастал он своей молодой женой,
Что князей-бояр всех повыманит,
Меня, солнышка Владимира, с ума сведет.

— Ай ты ей, Владимир стольно-киевский!
А нынче что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину,
За меня, Василисту за Микуличну?

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло;
Повесил свою буйну голову,
Сам говорил таково слово:
— Молодой Ставер сын Годинович!
За твою великую за похвальбу
Торгуй во нашем городе во Киеве,
Во Киеве во граде век беспошлинно!

Поехали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.

Тут век про Ставра старину поют
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье.

* * *

В замысле былины нет намерения противопоставить боярина Ставра князю Владимиру, потому что и сам Ставр введен в заблуждение хитрой женой. Настоящей героиней былины стала, без сомнения, именно жена Ставра. Певцы выразили насмешливое отношение народа к государственным верхам.

Ставр — лицо историческое. В летописи про него сказано, что в 1118 году киевский князь Владимир Мономах «разгневался» на него

и других новгородцев — «заточи я вся», посадил в темницу их всех. «При исторически известных неприязненных отношениях Новгорода к Киеву, — писал ученый Вс. Миллер, — крутой поступок князя (каким был в 1118 году Владимир Мономах) с новгородским именитым гражданином должен был задеть за живое новгородский патриотизм и мог послужить стимулом к сложению рассказа или песни, в которой киевский князь Владимир получил нелестную для него роль» (Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I, М., 1897, стр. 278—279).

Из тоя из земли Ляховицкия... — Ляховицкой землей в эпосе часто называется вообще враждебная Киеву земля.

Возьму не́ с чести... — силой.

Земля Политовская — сравнительно поздно проникшее в эпос именование северо-западных русских земель, находившихся под властью литовских феодалов в XIII—XV веках.

САДКО

В славном в Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость.

А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.

Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.

Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.

Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильмени со озера,
Сам говорил таковы слова:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного *
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковой невод
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь!

Пошел Садко от Ильменя от озера.
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садко на почестен пир.
Как тут Садко новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастывать:
— Ай же вы, купцы новогородские!
Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень-озере!

Как тут-то купцы новогородские
Говорят ему таковы слова:

— Не знаешь ты чуда-чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы — золоты перья.

— Ай же вы, купцы новогородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного.

Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро.

Закинули тоньку * в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.

Тут купцы новогородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звезды — и в палатах звезды.

Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тыих мужиков новогородскиих
И тыих настоятелей новогородскиих *
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.

Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Похвальбами все похвалялися.

Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новогородские:
— Все мы на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися,
Похвальбами все похвалялися.
Что же у нас Садко ничем не похвастает?
Что у нас Садко ничем не похваляется?

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать — не похвастать бессчетной золотой казной:
На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новогородские,
Худые товары и добрые!

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новогородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казне,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новогородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.

Ставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговыим,

А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новогородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новогородскую.
Опять выкупал товары новогородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новогородскую.
Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Еще повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новогородский —
Побогаче меня славный Новгород».

Отдавал он настоятелям новогородскиим
Денежек он тридцать тысячей.

На свою бессчетну золоту казну
Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленых;

На те на корабли на черленые
Свалил товары новогородские,
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новогородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота, чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.

На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синем море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость,
Ко своей дружине ко хоробрые:
— Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во синё море.

Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые,
А корабли нейдут с места на синем море.

Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые,
А корабли всё нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красноем на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребий ко дну пойдет,
Таковому идти в сине море.

Делали жеребья вольжаны,
А сам Садко делал на красноем на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море.
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красноем на золоте,
А я сделаю жеребий вольжаный.

Делали жеребья на красноем на золоте,
А сам Садко делал жеребий вольжаный.
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.

Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
Он стал именьице отписывать:
Кое именье отписывал божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именьице молодой жене,
Остатное именье дружине хоробреой.

Говорил Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?

Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
— Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не столь мне страшно принять смерть на синем море.

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.

Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великие
Заснул на дощечке на дубовой.

Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,

Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю́, зо́рю утреннюю.
Увидел Садко: во синем море
Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя как куча се́нная.
Говорит царь таковы слова:
— Ай же ты, Садко-купец, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты;
Поиграй же мне в гуселки яровчаты.

Как начал играть Садко в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садко сутки, играл и другие
Да играл еще Садко и третии —
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гибнуть именьицев,
Стало много тонуть людей праведныих.

Как стал народ молиться Миколе Можайскому,
Как тронуло Садка в плечо во правое:
— Ай же ты, Садко новогородскиий!
Полно играть в гуселышки яровчаты! —
Обернулся, глядит Садко новогородскиий:
Ажно стоит старик седатыий.
Говорил Садко новогородскиий:
— У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты.

Говорит старик таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.

Скажи: «У меня струночек не случилося,
А шпенечков не пригодилося,
Не во что больше играть,
Приломалися гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Позади идет девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Бери тую Чернаву за себя замуж...
Будешь, Садко, во Нове-граде.
А на свою бессчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколе Можайскому.

Садко струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
— Ай же ты, Садко новогородскиий!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?
— У меня струночки во гуселках выдернулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилося,
А шпенечков не пригодилося.

Говорит царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке? —
Говорит ему Садко новогородскиий:

— У меня воля не своя во синем море. —
Опять говорит царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу.

Вставал Садко поутру ранешенько,
Поглядит: идет триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.

Как прошел у них столованье почестен пир.
Как ложился спать Садко во перву ночь,
Как проснулся Садко во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит — ажно бегут
Его черленые корабли по Волхову.

Поминает жена Садка * со дружиной во синем море:
— Не бывать Садку со синя моря! —
А дружина поминает одного Садка:
— Остался Садко во синем море!

А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
— Остался Садко во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!

Встретил Садко дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы́ руки,
Целовала во уста во сахарные.

Начал Садко выгружать со черленых со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленыих кораблей,
Состроил церкву соборную Миколе Можайскому.

Не стал больше ездить Садко на сине море,
Стал поживать Садко во Нове-граде.

* * *

В былине легко выделить три части: первая — Садко получает за игру на гуслях от морского царя богатство; вторая — спор Садко-купца с Новгородом; третья — поездка Садко за море. Первая часть может быть сопоставлена со второй, так как в первой Садко выигрывает спор, а во второй проигрывает. Садко удачлив как гусляр, но Садко-купец, возомнивший, что он сильнее самого Новгорода, побежден. Становится ясной мысль певцов: их симпатии на стороне бедного гусляра, но богач Садко, замахнувшийся на славу великого города Руси, должен признать свое поражение. В третьей части Садко возвращается в Новгород: он не променял родины на несметные богатства, на женитьбу на дочери морского царя. Из всех представших перед ним невест Садко выбрал Чернавушку и оказался в Новгороде.

Былина исполнена величавой сказочной поэзии. Морской царь пляшет — и на море начинается буря. Таинственная морская пучина, далекие плавания, шумный торг в Новгороде, строительство соборной церкви в честь святого Николая — Миколы, который слыл в народе помощником на водах, игра гусляров на пирах — перед нами предстает смесь вымысла и исторических фактов из жизни древнего Новгорода.

Лавки товара красного... — лавки с тканями.

Закинули тоньку... — *То́нька* — одна закидка невода, залов.

И тыих настоятелей новогородскиих... — *Настоятель* — старший, начальник. О каких настоятелях по имени Фома Назарьев и Лука Зиновьев идет речь, остается неизвестным.

Поминает жена Садка... — У Садка есть жена, но он женится еще и на Чернавушке. К этому его принудил морской царь, но вторая женитьба оказывается мнимой.

ВАВИЛА И СКОМОРОХИ

У честнóй вдовы да у Ненилы
А у ней было чадо Вавила.

А поехал Вавилушка на ниву,
Он ведь нивушку свою орáти,
Еще белую пшеницу засевати:
Рóдну матушку свою хочет кормити.

А ко той вдове да ко Ненилe
Пришли люди к ней веселы́е,
Весёлые люди, не простые,
Не простые люди — скоморохи.
— Уж ты здравствуешь, честнá вдова Ненила!
У тебя где чадо да нынь Вавила?

— А уехал Вавилушка на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати:
Рóдну матушку хочет кормити. —
Говорят как те ведь скоморохи:
— Мы пойдем к Вавилушке на ниву,
Он не йдет ли с нами скоморошить?

А пошли скоморохи к Вавилушке на ниву:
— Уж ты здравствуешь, чадо Вавила,
Тебе дай бог нивушку орати.
Еще белую пшеницу засевати,
Рóдну матушку тебе кормити.

— Вам спасибо, люди веселы́е,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куда пошли да по дороге?

— Мы пошли на инищее царство *
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,

Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавила, с нами скоморошить.

Говорило тут чадо Вавила:
— Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазден.

Говорил Кузьма да со Демьяном:
— Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
У того ведь чада у Вавилы
А было в руках-то понукальце,
А и стало тут ведь погудальце;
Еще были в руках да тут ведь вожжи,
Еще стали шелковые струнки.
Еще то чадо да тут Вавила
Видит: люди тут да не простые,
Не простые люди-то, святые;
Он походит с ними да скоморошить.

Он повел их да ведь домой же.
Еще тут честна вдова да тут Ненила
Еще стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы-то ржаные —
А и стали хлебы-то пшеничны;
Понесла она курицу варёну —
Еще курица да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Еще та вдова да тут Ненила
Еще видит: люди не простые,
Не простые люди-то, святые.
Отпустила тут Вавилу скоморошить.

А идут да скоморохи по дороге,
На гумне мужик горох молотит.
— Тебе бог помочь да те, крестьянин,
На бело́ горох да молотити!

— Вам спасибо, люди весе́лые,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куда пошли да по дороге?

— Мы пошли на инищее царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.

Говорил да тут да ведь крестьянин:
— У того царя да у Собаки
А око́л двора-то тын железный,
А на каждой тут да на тычинке
По человеческой сидит головке;
А на трех ведь на тычинках
Еще нету человеческих головок,
Тут и вашим-то да быть головкам.

— Уж ты ой еси да ты, крестьянин!
Ты не мог ведь нам добра тут сдумать,
Еще лиха нам ты не сказал бы!
Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А Кузьма с Демьяном припособил —
Полетели голубята-то стадами,
А стадами тут да табунами;
Они стали у мужика горох клевати,
Он ведь стал их кичи́гами сшибати,
Зашибал он, думал, голубяток,
Зашибал да всех своих ребяток.

Говорил да тут да ведь крестьянин:
— Уж как тяжко тут да согрешил я!
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-то, святые!

А идут скоморохи по дороге,
А навстречу мужик едет торговати.
— Тебе бог помочь да те, крестьянин,
Ай тебе горшками торговати!

— Вам спасибо, люди веселы́е,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куда пошли да по дороге?

— Мы пошли на инищее царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.

Говорил да тот да ведь крестьянин:
— У того царя да у Собаки
А оќол двора да тын железный,
А на каждой тут да на тычинке
По человеческой сидит головке;
А на трех-то ведь да на тычинках
Еще нету человеческих головок,
Тут и вашим-то да быть головкам.

— Уж ты ой еси да ты, крестьянин!
Ты не мог нам добра ведь сдумать,
Еще лиха нам ты не сказал бы!
Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,

А Кузьма с Демьяном припособил —
Полетели ку́ропцы с рябáми,
Полетели пестру́хи с чюхаря́ми,
Полетели марью́хи с косачáми.
Они стали по оглоблям-то садиться,
Он ведь стал их тут да бити
И во свой ведь воз да класти.
Наложил он их да весь возочек,
А поехал мужик да во городочек.
Становился он да во рядочек,
Развязал да он да свой возочек —
Полетели ку́ропцы с рябáми,
Полетели пестру́хи с чюхаря́ми,
Полетели марью́хи с косачáми.
Посмотрел ведь во своем-то он возочке,
Еще тут у него одни да черепочки.
— Ой, я тяжко тут да согрешил ведь!
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-то, святые!

А идут скоморохи по дороге,
Еще красная да тут девица
А она холсты да полоскала.
— Уж ты здравствуешь, красна девица,
Нáбело холсты да полоскати!

— Вам спасибо, люди веселы́е,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куда пошли да по дороге?

— Мы пошли на инищее царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.

Говорила красная девица:
— Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,

Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета
А и дочь его да Перекрасу.

— Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил,
А у той у красной у девицы
У ней были-то холсты-то ведь холщовы,
Еще стали-то атласны да шелко́вы.

Говорит как красная девица:
— Тут ведь люди шли да не простые,
Не простые люди-то, святые!

А идут скоморохи по дороге,
А пришли во инищее царство.

Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек,
А во звончатый во переладец —
Еще стала вода да прибывати,
Хочет он водой их потопити.

— Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
И пошли быки-то тут стадами,
А стадами тут да табунами,
Еще стали воду упивати,
Еще стала вода да убывати.

— Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
Загорелось инищее царство
И сгорело с края и до края.

Посадили тут Вавилушку на царство,
Он привез ведь тут да свою матерь.

* * *

Скоморохи — потешники, певцы, гусляры — подвергались гонениям: их преследовали светские и в особенности церковные власти. При всем том скоморошество просуществовало с древних времен до XVIII столетия. Скоморохи переняли у народа некоторые из былин и сами складывали песни в защиту своего искусства. Они прославляли свое занятие как нужное, «святое» дело. Одна из былин, сложенная скоморохами в свою защиту, сохранилась на Севере у крестьян, когда скоморошье искусство уже оказалось повсеместно забыто. Былина «Вавило и скоморохи» была спета северной сказительницей Марией Дмитриевной Кривополеновой. Ей мы обязаны сохранением этой былины, которая больше ни от кого не была записана.

Мы пошли на инищее царство... — пошли в иное царство, чужую землю.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ И МЕСТНЫХ СЛОВ

А

Ажно — между тем, вот (с оттенком удивления).
Али, аль — или.

Б

Ба́йна — баня.
Ба́чко — отец.
Бурна́стый — рыже-бурый (о лисице).

В

Валья́жный — точеный, резной.
В зимы́ — зимой.
В ле́те — летом.
Во всю голову кричал — что есть сил.
Во́льжаный — таволжаный, из дерева рода ивы.
В осо́бину — особо.
В оста́тнее — напоследок.
Вы́рутить — выбросить, уронить, сбросить.
Выть — еда.

Г

Глубота́ — глубина.
Гость — купец.
Гри́дня — комната, горница.
Гу́жики, гужи́ — кожаные петли в хомуте, которыми с помощью дуги прикрепляют оглобли к упряжи.

Д

До́люби — вдоволь, сколько угодно.
Доро́дный — видный, красивый.

Е

Ерлыки́ (ярлыки) — грамота, письмо.

Ж

Же́ребье — жребий.
Живо́т — достаток, жизнь, в переносном смысле «милый».
Жуко́винье — перстень, кольцо.

З

Заго́н — пастбище, луг, огороженное место.
Заколо́деть — завалиться колодами, павшими деревьями.
Замура́веть — зарасти травой, муравой.
Засе́льщина — деревенщина, человек из глухой деревни.
Засова́ться — засуетиться.
Зау́треня — церковная утренняя служба.
Зелено́ вино — хлебное вино, водка.
Зыча́ть — громко кричать.

И

Изо́тчество — отчество.
Име́ньицо — здесь: богатство.

К

Кали́ка — странник (от слова «кали́га» — название обуви странника); с течением времени стало равнозначно понятию калека (о слепых и увечных странниках).
Камка́ — шелковая ткань.
Ке́лья — комната монаха в монастыре.
Ко́монь — конь, лошадь.
Коса́ч — тетерев.
Кося́вчато, кося́щатый — с дощатыми косяками (об окошке, двери); косяки — стоящие части дверной и оконной рам.
Крашени́на печа́тная — ткань, холст с печатной раскраской.
Ку́ропцы — куропатки.

Л

Ло́жня — спальня.

М

Матере́ть — входить в возраст, становиться большим, сильным.
Ма́тица — центр, середина; средняя балка, на которой держится потолок.
Марьюха — глухарь (самка).
Межу — между.
Мета́ть — бросать, кидать.
Мех — мешок.
Му́жевья — мужья.

Н

Наго́нено — нагнано.
Нажа́деться — испытывать, чувствовать жажду.

Наипа́че — особенно, всего более.
Наки́нуть службу — дать поручение, приказать исполнить что-либо.
Нако́н — раз, прием, черед.
Накрути́ться — одеться, от слова «крута» — одежда.
На пяту́ — широко, сколько позволяет распахивать двери.
На́что — зачем.
Нево́ля — здесь: вынужденное обстоятельство.
Не копи́ть — здесь: не держать, не собирать.
Не купли́сь — не купайся.
Нелё́гченный — нескопленный, от слова «легчить» — холостить, скопить.
Не можь — не можешь.
Нео́ранный — непаханый.
Неровно́ — а если.
Не стают — не встают.
Не то́щиться — не истощаться.
Не хошь — не хочешь.
Но́не — теперь.

О

Обе́денка — обедня, церковная служба после утрени, литургия.
Обжи — оглобли у сохи.
Оболоко — облако.
Око́ленка — оконная рама.
Омё́шик — сошник, заостренный конец сохи.
Опочи́в — сон; опочив держать — спать.
Ора́тай — пахарь.
Орать — пахать.
Ослядь — слега, жердь.
Осуда́рь — государь, господин.
Откё́ль — откуда.
Отку́дашний, отку́лешний — откуда, из каких мест.

П

Па́бедье — время, близкое к полдню.
Переве́даться — здесь: столкнуться на поединке.
Перела́дец — род дудки.
Перепа́ться — пугаться, испугаться.
Переcки́ — персты, пальцы.
Веструха — тетерка.
Пехо́тою прохаживать — пешком.
Плот — причал, помост.
Повы́кинуться — выступить вперед; здесь: поспорить.
Пого́да — непогода.
Подлыга́ться — лгать, подвирать.
Подруби́ть — здесь: ровно подрезать.

Подсто́лье — место под столом.
Поеди́нщина — единоборство.
По́езд — здесь: участники свадьбы, гости, молодые, едущие к венцу.
Покля́пый — наклоненный, кривой.
Поло́н — плен, пленные.
Полу́чка — здесь: дань, подать.
Поля́ница, поле́ница — богатырша, богатырь; богатыри, удальцы.
Пору́шить — не сдержать слова, нарушить (о заповеди).
По́тнички — войлок, подкладываемый под седло.
Похоте́ться — почувствовать стремление, пожелать себе чего-либо.
Поче́стный — устроенный в честь кого-либо (от слова «почествовать» — почтить, воздать честь).
Почто́ — зачем, почему.
Пречéстный — уважаемый, слывущий благочестием.
Присо́шечек, присо́ха, присо́шка — подпорка у сохи для прочности.
Приужа́хнуться — испугаться.
Провеща́ть — возвещать, провозглашать; отсюда — провещаться.
Промежу ноги, уши — между ног, ушей.
Прохлажда́тися — наслаждаться (от слова «проклажать» — баловать, нежить).

Р

Разгони́ть — разогнать, согнать.
Распоте́ться — здесь: о сердце; равнозначно — разгореться.
Рога́чик, рога́ч — рукоять у сохи.
Рожёно дитятко — родное.
Рони́ть — опускать, дать упасть (о парусах).
Ры́тый бархат — с густым ворсом, пушистый.
Ря́бы — рябчики.

С

Са́харный — сладкий.
Сафья́новый, сафья́н — из козловой кожи.
Ска́тный — круглый (о жемчуге).
Скоморо́шить — жить, промышляя пением, пляской, игрой.
Скоропи́счатый — от слова «скоропись», обозначающего скорое, беглое письмо.
Сля́га, сле́га — жердь, тонкое бревно.
Сму́рое сукно — самотканое, темной шерсти.
Снаря́ден двор — красивый, украшенный.
Собо́рная церковь — главная в городе или его части.
Сороко́вка — бочка в сорок ведер.
Стегно́ — бедро.
Стре́мено — стремя, в верховой конской упряжи упоры для ног.
Сту́пью, ступо́й идти — идти тихим шагом.

С у с т и́ г н у т ь — настигнуть.
С ы т ь — пища, еда.

Т

Т е п е́ р и ч а, т о п е́ р и ч а — теперь.
Т о́ н ь к а — здесь: улов.
Т у — тут.
Т у́ л и т ь с я — прятаться.
Т ы́ с я ц к и й — военачальник; здесь: главный устроитель свадьбы.
Т я, т и — тебя, тебе.

Ц

Ц в е т н о е п л а т ь е — не белое и не черное, а окрашенное в какой-либо другой цвет.
Ц е л о в а́ л ь н и к — кабатчик, здесь: вообще торговец, от слова «целовать»; кабатчик клялся — целовал крест, что будет торговать честно.

Ч

Ч а́ д о — дитя, ребенок.
Ч е м б у́ р — поводок.
Ч е с т н а́ в д о в а — пользующаяся почетом.
Ч и́ с т о е п о л е — очищенное от пней, корней, камней.
Ч ю х а́ р ь, ч у́ х а р ь — глухарь.

Ш

Ш е л о́ м — холм.
Ш и б а́ т ь, ш и́ б н у т ь — ударить, кидать, метать.

Щ

Щ а п — щеголь.
Щ ё т о ч к и, щ ё т к и — пучок волос над копытным сгибом.

Э

Э т а я, т а я — эта, та.

Ю

Ю — ее.

Я

Я р о́ в ч а т ы й — из явора, чинары.

ИСТОЧНИКИ

(Сборники, из которых взяты напечатанные здесь былины)

1. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили *А. П. Евгеньева* и *Б. Н. Путилов.* Изд-во Акад. наук СССР, М. — Л., 1958.

2. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. 3-й, М., 1861.

3. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Под ред. *А. Е. Грузинского.* Изд. 2-е, тт. I, II, М., 1909—1910.

4. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е, Т. II. Изд-во Акад. наук СССР, М. — Л., 1950.

5. Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

6. *О. Э. Озаровская.* Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1922.

СОДЕРЖАНИЕ

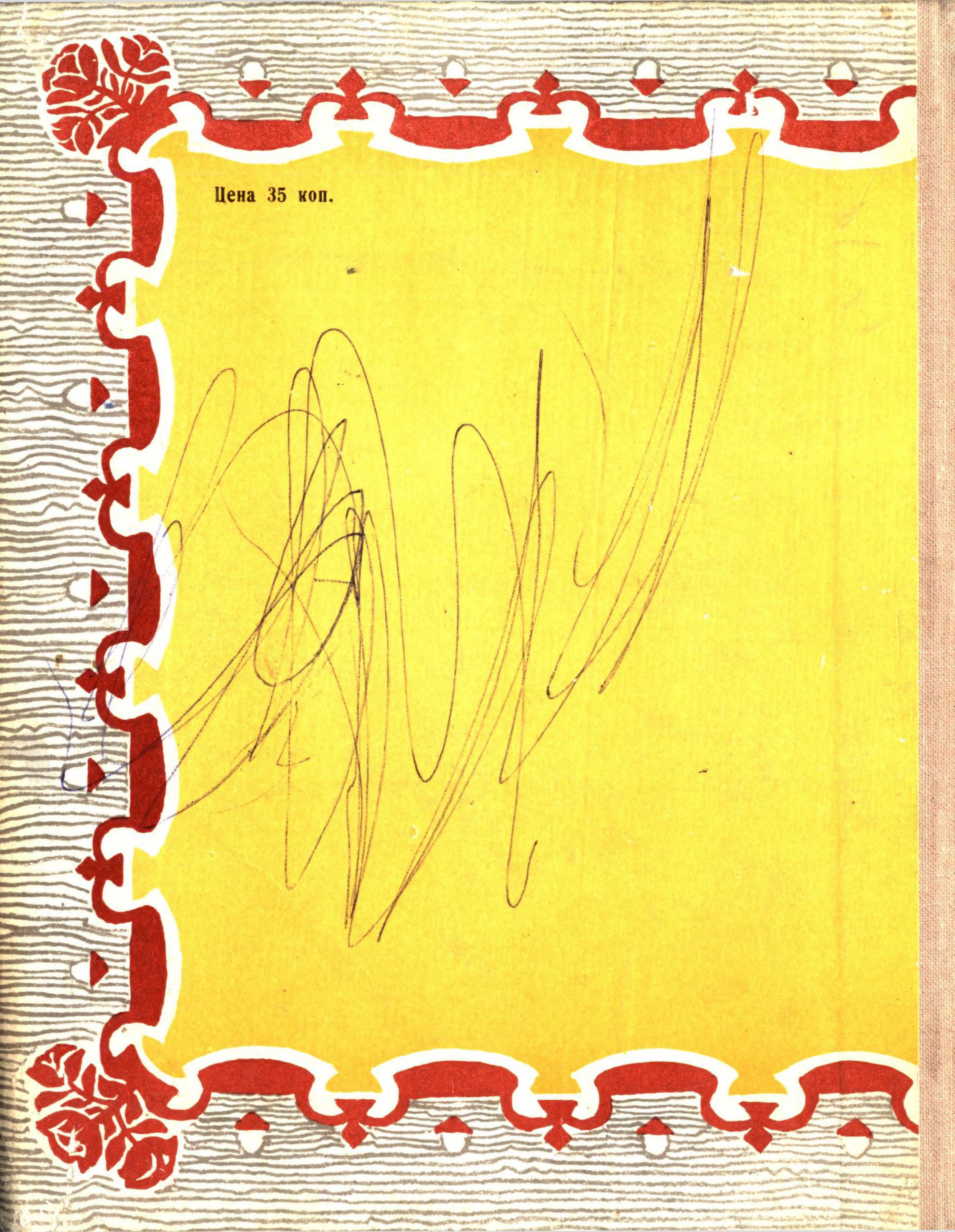
ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Десять былин

Ответственный редактор *Н. В. Белякова.* Художественный редактор *Н. И. Комарова.* Технический редактор *И. Я. Колодная.* Корректор *Н. А. Сафронова.* Подписано к печати с диапозитивов 9/IV 1976 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 2. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19 Уч.-изд. л. 6,01. Тираж 600 000 (300 001—600 000) экз. Заказ № 180. Цена 35 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46

Цена 35 коп.